

*На правах рукописи*



ЛЕОНТЬЕВА Ксения Ивановна

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА:  
ДОМИНАНТЫ, ПЕРСПЕКТИВА, ДИСКУРС  
(на материале русских переводов произведений  
англоязычной литературы XIX-XX веков)

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и  
сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени  
доктора филологических наук

Тверь 2023

Работа выполнена на кафедре теории языка, перевода и французской филологии ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Научный консультант:

*Миловидов Виктор Александрович* – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Официальные оппоненты:

*Миронова Надежда Николаевна* – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

*Огнева Елена Анатольевна* – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков факультета иностранных языков ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

*Поликарпов Александр Михайлович* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова».

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет».

Защита состоится 18 сентября 2023 года на заседании диссертационного совета Д 24.2.411.05 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31.

Отзывы направлять по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ученому секретарю диссертационного совета Д 24.2.411.05.

Автореферат разослан « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2023 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета Д 24.2.411.05  
кандидат филологических наук, доцент

П.Е. Карташова

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое исследование посвящено разработке *субъект-ориентированной когнитивно-семиотической модели литературно-художественного перевода*, в которой через описание когнитивных принципов и механизмов дискурсивной деятельности переводчика системно раскрываются *когнитивные основания субъективности и вариативности интерпретации художественной структуры (текста и мира) произведения и ее неизбежной трансформации в дискурсе переводчика*. Выбор дискурсивной практики литературно-художественного перевода в качестве объекта моделирования обусловлен творческой природой этой формы переводческой деятельности, в которой переводчик становится в явной форме «видимым» [Venuti 1995] не только как семиотический посредник-медиатор, но, прежде всего, как полноценный *субъект* художественного дискурса.

В существующих концепциях литературно-художественного перевода при признании неизбежности проявления специфики личности этого субъекта на разных уровнях дискурса перевод моделируется в основном с *тексто- и системоцентрических* позиций. Антропоцентрические концепции в центр модели помещают переводчика, но специфика его деятельности часто осмысливается все с тех же *тексто- и системоцентрических* позиций – вне контекста «живых» семиотических структур сознания переводчика как ведущего контекста его деятельности, параметры которого *предопределяют* характер трансформации произведения.

Предлагаемая когнитивно-семиотическая теория **актуальна**, поскольку является *интегративной* и моделирует процессы литературно-художественного перевода в его *дискурсивной* онтологии – с точки зрения взаимосвязи антропоцентрических, текстовых и социокультурных аспектов этой дискурсивной практики [Леонтьева 2013], а также потому, что ставит переводоведение на прочный фундамент когнитивной науки. Когнитивный подход предполагает *последовательное* «возвращение к человеку» [Фаликман 2014] и учет динамизма и «живой» природы опосредующих дискурс когнитивно-семиотических процессов и структур. Соответственно системообразующим элементом предлагаемой модели становится переводчик как «живой, мыслящий и чувствующий человек» [Залевская 2007: 51] во всей его *целостности* – как «существо, наделенное физическим телом <...>, испытывающее эмоции, <...> включенное в социум, находящееся в непрерывном взаимодействии с другими людьми и развивающееся в нем» [Фаликман 2014: 15]. Подобная *синергетическая* трактовка позволяет избежать потенциально возможного в рамках когнитивного подхода эгоцентрического солипсизма, не совместимого с социальной функцией деятельности переводчика и ее альтероцентрической ориентацией на автора и реципиента.

В диссертации формулируется *субъектный принцип перевода* как общий методологический принцип моделирования деятельности переводчика и онтологический принцип ее практической реализации. Индивидуальная деятельность переводчика при этом трактуется как *дискурсивная*, что позволяет, не теряя фокус на субъективности переводчика, учитывать *диалогическую* направленность его сознания на интенции иных субъектов дискурса и в социокультурный кон-

текст. Субъектный принцип конкретизируется через *принцип контекстности*, раскрывающий критическую роль «живых» семиотических структур сознания переводчика как главной детерминанты и ведущего контекста его деятельности, и *доминантный принцип* актуализации специфики этих когнитивных структур, а также художественной структуры произведения в дискурсе переводчика. В деятельности переводчика выделенные принципы реализует формируемая под действием когнитивных доминант *перспектива* – когнитивный феномен реляционной природы, смыкающий в единую функциональную структуру сознания переводчика биологическое, психическое, социокультурное и семиотическое измерения дискурса. Все формы трансформации и адаптации произведения в дискурсе переводчика рассматриваются как *формы реперспективации*.

*Язык* трактуется как ведущий семиотический код сознания (языковое сознание), *текст* – как семиотический инструмент интерпретации, а *дискурс* – как опосредованная языком и текстом форма (область и процесс) когнитивного взаимодействия переводчика с миром произведения и социокультурной реальностью, что согласуется с интеракциональной трактовкой *когниции*. Опосредующие деятельность переводчика *дискурсивные* механизмы как механизмы *языковой* когниции не противопоставляются *когнитивным* механизмам и рассматриваются как инструментальные формы их реализации (частное – общее). *Когнитивные механизмы* понимаются как способы обработки информации сознанием в процессе (с целью) смыслообразования, схематизации опыта, образования знания и оперирования им в деятельности [Болдырев 2014]. Механизмы производят процессы, представляющие действие механизмов [Щедровицкий URL]. Когнитивные механизмы рассматриваются как инструменты *интерпретации* мира, в связи с чем предлагаемая модель определяется как когнитивно-семиотическая.

Осмысление перевода в терминах категории интерпретации не является новым и характерно для семиотической [Клюканов 1998; Левый 1974; Миловидов 2016; Эко 2006; Якобсон 1978; Gorleé 1994], герменевтической [Автономова 2008; Крюкова 2017; Мишкурин, Новикова 2020; Нестерова 2005; Оборина 2014; Steiner 1998], лингвокультурологической [Галеева 2011; Гарусова 2007; Масленникова 2014] и психотипической [Сорокин 2003] теорий перевода. В диссертации новой является *когнитивная* трактовка *процесса интерпретации* как *способа* существования не только знака [Пирс 2000], но сознания человека в целом [Матурана, Варела 2001; Чейф 1983; Dennett 1992; Varela, Thompson, Rosch 2017], как онтологической *формы и функции* любых когнитивно-коммуникативных процессов [Болдырев 2018; Залевская 2018; Кравченко 2013; Zlatev 2018]. Подобная трактовка вписывает реферируемое исследование в контекст не только *актуальной* лингвистической мысли, но и современной эпистемологии, основанной на *принципах конструктивизма и перспективности познания* [Князева 2014; Касавин 2008; Матурана, Варела 2001; Микешина 2008]. Последовательный *субъект-ориентированный* ракурс вписывает исследование в самый *актуальный* контекст мирового переводоведения, которое из Translation Studies (наука о переводе) превратилось в Translator Studies (наука о переводчике) [Chesterman 2009]. В России «антропоцентрическое переводоведение» также постепенно оформляется в *отдельное* направление [Алексеева 2013; Кушнина 2014], в связи с чем *актуальна*

проблема разработки системы метаязыка описания, позволяющей *последовательно* учитывать субъектный статус переводчика и роль структур его сознания, в том числе при изучении процессов конструирования социокультурной реальности и идентичностей в переводе (функция социокогнитивного рефрейминга). В диссертации эта проблема решается посредством *взаимосвязанных субъект-ориентированных методологических принципов* и аналитических категорий. Аналитический каркас предлагаемой в ней теоретической концепции образует триада категорий «доминанты – перспектива – дискурс» и связанных с ними принципов (доминантный принцип – субъектный принцип – принцип контекстности), позволяющая исследовать когнитивные основания и формы субъективности в переводе в динамике взаимодействия различных субъектов, механизмов, уровней, контекстов, аспектов и измерений этой дискурсивной практики.

**Объект исследования** – дискурсивная деятельность переводчика в контексте «живых» семиотических структур сознания переводчика как ведущего контекста дискурса.

**Предмет исследования** – когнитивные механизмы дискурсивной деятельности переводчика и формы (принципы, модусы, модели и форматы) их реализации в сфере литературно-художественного перевода.

**Цель исследования** – разработать комплексную антропоцентрическую модель литературно-художественного перевода на основе описания когнитивных механизмов дискурсивной деятельности переводчика по интерпретации переводимого произведения с учетом функциональных особенностей их реализации.

В основу исследования положена следующая **гипотеза**. Как процесс интерпретации перевод предполагает различные формы конфигурирования информации, реализуемые в контексте «живых» семиотических структур сознания переводчика посредством ряда когнитивных механизмов. Процессы конфигурирования на разных уровнях дискурса переводчика координирует перспектива переводчика, формируемая под действием системы значимых для переводчика когнитивных доминант. Структура перспективы переводчика мотивирует в разной мере инновативные формы реперспективации художественной структуры переводимого произведения.

Достижение поставленной цели исследования и верификация гипотезы исследования обеспечиваются посредством решения следующих **задач**:

1) дать аналитический обзор ведущих современных подходов к исследованию перевода в его дискурсивной онтологии и выделить основные аспекты и параметры моделирования перевода сквозь призму категории дискурса;

2) провести критический анализ современных концепций, с позиций антропоцентризма раскрывающих специфику личности переводчика, принципы в основе его дискурсивной деятельности, роль различных контекстов этой деятельности и факторы, лежащие в основе феномена вариативности перевода и трансформации художественной структуры произведения в дискурсе переводчика;

3) проанализировать и обобщить актуальные научные представления и экспериментальные данные о природе сознания и языковой когниции человека и на основе полученных данных скорректировать несогласующиеся с ними представления о природе и принципах дискурсивной деятельности переводчика;

4) обосновать необходимость и эффективность и разработать теоретико-методологические основы когнитивно-семиотического подхода к моделированию литературно-художественного перевода в его дискурсивной онтологии;

5) дать системное описание когнитивных механизмов дискурсивной деятельности переводчика по интерпретации произведения с учетом взаимосвязи и взаимодействия различных семиотических кодов, процессов, уровней и контекстов его сознания и дискурса; выделить типовые аспектуальные формы семиотической «видимости» переводчика как субъекта дискурсивной деятельности;

6) обосновать и продемонстрировать посредством дискурс-анализа текстового материала метакогнитивную роль перспективы и когнитивных доминант в дискурсе переводчика; детализировать процесс (ре)перспективации как основу понимания природы когнитивного варьирования (субъективности) в переводе;

7) рассмотреть специфику дискурсивной практики перевода как технологии трансфера социокультурного знания и (ре)фрейминга социальной когниции и выявить субъект-ориентированные механизмы, формы, модели и принципы реализации этой функции в дискурсивной деятельности переводчика;

8) обосновать этическую максиму интер-субъективности в качестве антропоцентрической нормы перевода, центрированной на нарративной перспективе; с учетом социокультурной и эстетической специфики художественного дискурса определить параметры стратегии перевода, ориентированной на данную норму (максиму); апробировать данную стратегию в форме авторского перевода;

9) провести сравнительно-сопоставительный анализ корпуса параллельных текстов, на основе полученных данных выделить базовые когнитивные доминанты и формы (модели, форматы и модусы) (ре)перспективации структуры произведения в дискурсе переводчика и систематизировать их в виде многоаспектной типологии семиотических проявлений субъективности (когнитивного варьирования) в литературно-художественном переводе.

**Теоретическую основу исследования** составили положения:

– *теории перевода* (Л.М. Алексеева, Н.Л. Галеева, Н.К. Гарбовский, И.Э. Ключанов, В.Н. Комиссаров, Н.Г. Корнаухова, И. Левый, Е.М. Масленникова, Н.М. Нестерова, В.А. Разумовская, Н.К. Рябцева, В.В. Сдобников, П.М. Топер, К.И. Чуковский, Е.Г. Эткинд, R. Arrojo, S. Bassnett, A. Chesterman, E. Gentzler, T. Hermans, J. House, W. Frawley, A. Lefevere, J. Munday, C. Nord, A. Pym, D. Robinson, C. Schäffner, G. Toury, M. Tymozcko, L. Venuti, M. Wolf и др.), в том числе *когнитивной и психолингвистической* (Г.Д. Воскобойник, А.Г. Минченков, Н.Н. Миронова, Е.А. Огнева, Т.Г. Пшенкина, И.Н. Ремхе, Ю.А. Сорокин, А.А. Яковлев, S. Halverson, A.M. Garcia, M.R. Munoz, H. Risku, A. Rojo, G.M. Shreve и др.);

– *психолингвистической теории значения* (Л.С. Выготский, О.В. Голубева, А.А. Залевская, Н.И. Курганова, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Е.Ю. Мягкова, В.А. Пищальникова, Т.Ю. Сазонова, С.В. Чугунова и др.);

– *когнитивной лингвистики и семантики* (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, О.К. Ирисханова, А.Е. Кибрик, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, О.В. Магировская, Н.Ю. Петрова, Л.М. Салмина, И.А. Стернин, И.А. Солодилова, B. Bergen, R. Dirven, G. Fauconnier, D. Geeraerts, G. Lakoff, R. Langacker, A. Langlotz, T. Oakley, F. Purvermuller, L. Talmy, M. Tomasello, M. Turner, A. Verhagen, R.A. Zwaan и др.);

– *теории дискурса* (М.М. Бахтин, В.И. Карасик, Е.А. Кожемякин, В.В. Красных, М.Л. Макаров, Г.Н. Манаенко, В.А. Миловидов, Н.Н. Миронова, О.Г. Ревзина, В.И. Тюпа, М. Фуко, Ю. Хабермас, В.Е. Чернявская, N. Fairclough, P. Linell, T. van Dijk и др.), включая исследования *этнической, социокультурной и гендерной специфики дискурса* (А. Вежбицкая, Е.С. Гриценко, О.Г. Дубровская, И.В. Зыкова, А.В. Кирилина, Т.В. Ларина, С.Г. Терминасова, Е.В. Трощенко, И.Г. Серова, Л.В. Цурикова, D. Cameron, L. Litosseliti, M. Merritt, F. Sharifian и др.);

– *семиотики* (Р. Барт, А.В. Борисенко, А. Греймас, Г.Г. Косиков, Ю. Кристева, А.Ф. Лосев, В.А. Миловидов, Ч. Моррис, Ч.С. Пирс, Ю.С. Степанов, В.В. Фещенко, Г.Г. Шпет, У. Эко, S. Petrilli, G. Sonesson, P. Violi, J. Zlatev и др.);

– *теории познания и сознания* (Ф. Варела, Л.С. Выготский, Дж. Гибсон, Э. Гуссерль, В.П. Зинченко, И.Т. Касавин, Е.Н. Князева, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, В.А. Лекторский, У. Матурана, М. Мерло-Понти, Л.А. Микешина, С.Л. Рубинштейн, М.А. Холодная, М.В. Фаликман, Т.В. Черниговская, L. Barsalou, E. Cufarri, N. De Jagher, E. Di Paolo, T. Froese, M. Kyselo, F. Purvermuller, J. Searle и др.);

– *теории языковой личности* (А.Г. Баранов, Г.И. Богин, Е.В. Иванцова, В.И. Карасик, В.В. Красных, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов, А.Г. Фомин и др.);

– *поэтики, нарратологии и эстетики* (А. Аствацатуров, Р. Барт, М. Бахтин, М.М. Гиршман, Е.С. Добин, Ж. Женетт, В.М. Жирмунский, Б.О. Корман, Ю.М. Лотман, В.А. Миловидов, Е.В. Падучева, В.И. Тюпа, Б.А. Успенский, В.В. Фещенко, Л.В. Чернец, В.Б. Шкловский, В. Шмид, Г. Шпет, У. Эко, Е.Г. Эткинд, Р. Якобсон, J. Bruner, V. Dancygier, M. Caracciolo, J. Faryno, M. Turner и др.).

Исследование развивает положения концепции дискурс-анализа литературно-художественного текста В.А. Миловидова и теории «живого» знания А.А. Залевской, а также идеи Н.Н. Болдырева о субъектном и доминантном принципах, лежащих в основе языковой когниции.

**Методология исследования.** В исследовании переводчик рассматривается как живой, активный и пристрастный субъект дискурсивной деятельности. Механизмы в основе его деятельности по интерпретации текста и мира произведения моделируются с точки зрения системных взаимосвязей и синергетического взаимодействия в рамках конструкции переводческого (интер)дискурса:

– языковых единиц и семиотических кодов *би-текста* (оригинальный текст автора и текст переводчика в семиотическом единстве этих текстовых репрезентаций одного произведения в разных системах контекстуальных координат);

– когнитивных структур различных модальностей, кодов и форматов («живое» знание), кодируемых языковыми единицами и художественными кодами;

– когнитивных процессов и механизмов, обеспечивающих интерпретацию би-текста и репрезентированных в нем структур знания;

– различных уровней, контекстуальных измерений и семиотических кодов сознания и дискурсивной деятельности (языковой когниции) переводчика;

– различных онтологических измерений дискурсивной практики перевода.

Цель и задачи разных этапов исследования определили необходимость применения комплекса новых и традиционных **методов и методик исследования**. В исследовании применяются общенаучные методы анализа, синтеза, описания,

моделирования, реконструкции, интроспекции, типологизации, сравнения и сопоставления, системный и структурно-функциональный методы. Специальные методы исследования включают когнитивное моделирование, методы концептуального, фреймового, семантического, структурно-функционального, стилистического и контекстуального анализа (в целях учета факторов когнитивного, текстового, интертекстуального, ситуативного и социокультурного контекстов), методики лингвистического и лингвопоэтического анализа художественного текста, методики критического анализа дискурса и ряд методик анализа корпусных данных. Указанные методы и методики интегрированы в рамках разработанной ранее *авторской методики дискурс-анализа перевода* [Леонтьева 2013], скорректированной и расширенной согласно цели и задачам настоящего исследования. Отбор эмпирического материала проводился методом произвольной выборки.

**Эмпирический материал исследования** составили произведения американской и британской художественной литературы XIX-XX веков и их переводы на русский язык периода XX-XXI веков. Рассматривались поэтические, прозаические и драматические тексты разного объема и жанра, что обеспечило репрезентативность материала исследования. В целях более точной типологизации семиотических проявлений субъективности помимо переводов, прошедших официальную редакторскую правку, рассматривались переводы из сети Интернет. Всего в ходе исследования было рассмотрено более 400 оригинальных текстов и более 700 русских переводов, опубликованных в различных источниках, из которых с учетом временного и гендерного факторов, принципа репрезентативности и факта повторного перевода (переводной множественности) для детального дискурс-анализа было отобрано 20 произведений (пять романов, семь рассказов, одна сказка, шесть стихотворений, одна пьеса) и 54 текста их переводов на русский язык. Поскольку исследование носило преимущественно теоретический характер, в текст диссертации вошли лишь самые показательные (в плане той или иной проблемы) фрагменты рассмотренных би-текстов, дискурс-анализ которых представлен в форме кейсов. Метод case study позволил проследить и описать принципы актуализации выделенных когнитивных механизмов и контекстуальных факторов дискурса переводчика в их системном взаимодействии. Также к анализу привлекались данные корпусов (Национальный корпус русского языка, British National Corpus, Corpus of Contemporary American English, MetaNet, FrameNet, КартаСлов, ReversoContext) и толковых словарей (словари Ожегова, Ушакова, Евгеньевой, Oxford, Cambridge, Collins, Merriam-Webster).

**Научная новизна исследования** заключается в:

1) разработке интегративной субъект-ориентированной когнитивно-семиотической модели (теории) литературно-художественного перевода, с антропоцентрических позиций раскрывающей и описывающей процессуальную составляющую дискурсивной практики литературно-художественного перевода как формы индивидуальной, социальной и эстетической когниции;

2) принципиальном переносе фокуса с лингвистических, литературных, социокультурных, идеологических, гендерных и эстетических факторов выбора и последствий реализации разных стратегий перевода на когнитивные механизмы и «живые» структуры сознания переводчика, координирующие этот выбор;



3) разработке системы логически согласованных методологических принципов и аналитических категорий, раскрывающих антропоцентрическую природу перевода, которая может послужить теоретико-методологической основой для дальнейшего исследования в рамках антропоцентрического направления самых разных аспектов дискурсивной практики перевода;

4) идее анализа специфики литературно-художественного перевода в терминах категорий перспективы, перспективации и когнитивной доминанты и обосновании этих категорий в качестве инструментов анализа, понимания и объяснения природы и форм когнитивного варьирования (субъективности) в переводе;

5) разработке многоаспектной типологии обусловленных когнитивными доминантами форм реперспективации и иных семиотических проявлений субъективности (форм когнитивного варьирования) в переводе;

6) описании когнитивных механизмов *индивидуальной* деятельности переводчика с точки зрения их роли в координации *социальных* процессов познания, диссеминации определенных моделей интерпретации мира и основанных на них образов реальности, организующих социокультурные идентичности;

7) рассмотрении идеологических, гендерных и иных социокультурных аспектов дискурсивной деятельности переводчика с позиций когнитивного подхода, в антропоцентрическом (сознание переводчика – сознание реципиента), а не системоцентрическом ракурсе, традиционном при исследовании данной проблематики (соотношение систем языка и систем культуры);

8) конкретизации структурных, операциональных, субъектных и контекстуальных параметров дискурс-анализа нарративной перспективы как предмета стратегии ретрансляции, учет которых непосредственно в процессе перевода и на этапах редактирования и рецензирования перевода может способствовать снижению субъективности интерпретации и повышению качества деятельности переводчика и художественной ценности созданных им текстов.

**Научную достоверность и обоснованность** практических и теоретических результатов исследования и положений предлагаемой в диссертации теоретической концепции (модели перевода) обеспечивают: доказательная теоретическая база исследования, последовательно раскрывающая специфику предмета исследования и таким образом обеспечивающая его всестороннее описание; опора на экспериментальные данные о природе сознания, мозга и языка человека, полученные отечественными и зарубежными исследователями в области нейролингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, теории сознания, когнитивной, социальной и этнической психологии; системность применяемого подхода, основанного на единых теоретико-методологических принципах исследования и логически соотносимых аналитических категориях; применение комплекса апробированных методов исследования; унифицированный подход к анализу эмпирического материала; репрезентативность эмпирической базы исследования, позволяющая говорить о системности проявления выделенных форм реперспективации в русских практиках литературно-художественного перевода;

**Верификацию гипотезы исследования** наряду с данными анализа репрезентативной выборки текстового материала и опорой модели перевода на экспериментальные данные когнитивных и нейронаук обеспечил интроспективный

анализ собственной переводческой деятельности автора исследования (как деятельности билингва и дипломированного практикующего переводчика) – форма лингвистического эксперимента согласно Л.В. Щербе.

**Теоретическая значимость исследования** обусловлена фактом разработки субъект-ориентированной модели перевода, которая в системной форме раскрывает когнитивные основания дискурсивной деятельности переводчика и наряду с описанием многих ранее не изученных аспектов уточняет существующие научные представления о природе этой деятельности. Результаты исследования вносят существенный вклад в развитие теории литературно-художественного перевода, теоретико-методологических основ антропоцентрического подхода к исследованию перевода и современного «интегративного» переводоведения в целом. Предлагаемая концепция углубляет ряд фундаментальных представлений о взаимосвязи индивидуальных и социальных когнитивных процессов, механизмах и принципах их реализации и координации в дискурсе, принципах дискурсивного взаимодействия когнитивных, языковых и социокультурных структур, языковых механизмах концептуализации, категоризации и оценки семиотических, социальных и социокультурных объектов, явлений и событий. В диссертации конкретизируются взаимосвязи интерпретирующей функции языка и ориентирующей функции текста как когнитивных инструментов координации индивидуальных когнитивных процессов, совместного внимания, социокультурных процессов и ценностных ориентаций человека и общества. Результаты исследования представляют ценность для изучения дискурсивных механизмов деструкции и воспроизводства социокультурных идентичностей, конструирования социокультурной реальности и стереотипизации моделей ее интерпретации, для выявления когнитивных факторов социокультурной динамики.

**Практическая значимость результатов исследования** определяется их вкладом в развитие методологии когнитивного подхода к исследованию перевода, иных дискурсивных феноменов и форм коммуникации и языка человека в целом. Результаты исследования могут использоваться в переводческой, редакционной и издательской практике, при проведении научных исследований, при подготовке переводчиков и иных специалистов в области межкультурной коммуникации, теоретической и прикладной лингвистики, при разработке материалов лекционных курсов и спецкурсов по теории перевода, теории языка, теории дискурса, теории текста, когнитивной лингвистике, психолингвистике, теории межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, семиотике, психологии общения, теории речевого воздействия и манипулирования, а также в процедурах оптимизации и медиации межличностных, межгрупповых и межкультурных взаимодействий и в программах по развитию критического мышления и формированию устойчивости к манипулятивным воздействиям.

Полученные результаты исследования позволяют сформулировать следующие **основные положения теоретической концепции, выносимые на защиту.**

1. Разработанная в диссертации когнитивно-семиотическая модель перевода раскрывает принципы взаимодействия семиотических структур разного типа на разных уровнях дискурсивной деятельности переводчика и позволяет исследо-

вать когнитивные основания литературно-художественного перевода как дискурсивной формы одновременно индивидуальной, социальной и эстетической когниции. В таком качестве эта модель снимает ряд эпистемологических ограничений, характерных для существующих в мировом переводоведении концепций.

2. Процесс литературно-художественного перевода в его дискурсивной онтологии реализуется в динамике трех измерений дискурсивной деятельности переводчика (индивидуальный акт, социальное событие, социокультурная практика), трех дискурсивных фаз создания-интерпретации художественной структуры произведения (креативная, (ре)креативная, рецептивная) и минимум двух его текстовых репрезентаций (би-текст). Все эти аспекты дискурсивной динамики реализуются в ментальном пространстве проекции би-текста, формируемой в контексте «живых» семиотических структур сознания переводчика.

3. Все формы конфигурирования информации, опосредующие процесс перевода, на разных уровнях сознания переводчика координирует метакогнитивный механизм перспективации. Под действием значимых для переводчика когнитивных доминант и субъектных и контекстуальных координат переводческого (интер)дискурса в процессе конфигурирования художественная структура произведения претерпевает различные формально-смысловые трансформации – формы реперспективации, которые в разной мере осознаются переводчиком.

4. Перспективация – это механизм организации структуры перспективы как способа интерпретации объекта субъектом. Являясь комплексным по структуре и функции когнитивным феноменом реляционной природы, перспектива принадлежит области (процессу) дискурсивного взаимодействия переводчика с текстом и миром произведения и в качестве аттенционального фрейма интерпретации организует и ограничивает систему отношений, устанавливаемых в сознании переводчика между референтами текстовых знаков, субъектами художественного дискурса и координатами переводческого (интер)дискурса.

5. В процессе перевода нейрокогнитивные процессы актуализации феноменологической перспективы переводчика (инструмента субъективности) сочетаются с тактико-стратегическими процессами (ре)фрейминга нарративной перспективы (инструмента интерсубъективности и стратегии ретрансляции) и реализуются по разным моделям, в разных модусах, посредством ряда когнитивных операций и разнообразных дискурсивных средств (маркеров перспективы), в различных форматах нарративной перспективации.

6. Субъектный принцип объясняет неизбежность реперспективации произведения в переводе работой «живых» семиотических структур сознания переводчика как субъекта дискурсивной деятельности, сочетающего (через посредство перспективы) когнитивные роли активного пристрастного субъекта познания и художественного дискурса с медиативными ролями ренарратора текста и мира произведения и скриптора процессов рецептивной интерпретации. Созданный этим субъектом текст реализует исключительно его дискурсивную интенцию.

7. Доминантный принцип объясняет логику реперспективации действием системы значимых для переводчика когнитивных доминант и мотивированного ими когнитивного диссонанса. Когнитивные доминанты определяют, какие семиотические аффордансы структуры произведения (не) будут выделенными для

переводчика, а также в контекстах каких областей гипертекста знаний переводчика и в формате каких моделей и схем они будут интерпретироваться.

8. Принцип контекстности объясняет направленность реперспективации логикой действия системы внешних и внутренних контекстуальных факторов перевода, которые преломляет и интегрирует структура «живого» гипертекста знаний переводчика. «Живая» природа гипертекста знаний объясняет неизбежную оценочность и инновативность переводческой интерпретации произведения. Инновативность перевода может быть радикальной либо умеренной.

9. Семиотические роли переводчика как субъекта дискурсивной деятельности предполагают различные аспектуальные формы его «видимости» и формы (ре)перспективации произведения. Вместе с системой определяющих их когнитивных доминант данные формы образуют разработанную в диссертации многомерную типологию семиотических проявлений субъективности переводчика.

**Апробация результатов исследования** осуществлялась в форме сообщений и докладов на научных и научно-практических конференциях, конгрессах, коллоквиумах и круглых столах в России и за рубежом, в числе которых: Всероссийская научно-практическая конференция «Авраамиевские чтения» (Смоленск, 2008, 2011, 2012), Всероссийская научная конференция «Культура как текст» (Смоленск, 2009), II Международная научная конференция «Лингвистика: традиции и современность» (Ростов-на-Дону, 2011), Всероссийская научная конференция «Язык в социокультурном пространстве и времени» (Астрахань, 2011), Международная научно-практическая конференция «Иностранные языки и межкультурная коммуникация: роль и место в современном образовании» (Абакан, 2011), Международная интернет-конференция «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» (Тверь, 2012), Всероссийская научно-практическая конференция «Перевод и дискурс межкультурной коммуникации» (Екатеринбург, 2012), Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2012, 2020), Международная научная конференция «Личность в межкультурном пространстве» (Москва, 2011, 2012), Международная научно-практическая конференция «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 2012), Международная научная конференция «Культура в зеркале языка и литературы» (Тамбов, 2012), Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2012; Санкт-Петербург, 2015; Белгород, 2017; Москва, 2018; Нижний Новгород, 2019; Екатеринбург, 2020), V Международная научная конференция «Концепт и культура» (Кемерово, 2012), VI Международная научная конференция «Язык. Дискурс. Текст» (Ростов-на-Дону, 2012), III Международная научная конференция «Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик» (Курск, 2012), V Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2013), Всероссийская научная конференция «Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации» (Тамбов, 2015), Круглый стол в рамках научно-практического семинара «Проблемы когнитивной лингвистики» (Тамбов, 2015, 2016), Всероссийская научная конференция «Язык и человек: проблемы когниции и коммуникации» (Тамбов, 2016), Круг-

лый стол «Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике» (Москва, 2016), Международная научная конференция «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюмень, 2016), Всероссийская научно-практическая конференция «Лингвистика XXI века: традиции и перспективы» (Тверь, 2016), International Conference «Language and Enaction: Sense-making, Embodiment, Interaction» (Клермон-Ферран, Франция, 2016), 2nd Conference of the International Association for Cognitive Semiotics (Люблин, Польша, 2016), Valencia/Napoli Colloquium on Gender and Translation (Валенсия, Испания, 2016), 6th International Conference of the Scandinavian Association for Language and Cognition (Лунд, Швеция, 2017), 6th International Conference on Meaning and Knowledge Representation (Санкт-Петербург, 2017), 10th Annual Embodied and Situated Language Processing Conference (Москва, 2017), 14th International Cognitive Linguistics Conference «Linguistic Diversity and Cognitive Linguistics» (Тарту, Эстония, 2017), International Conference «Staging The Literary Translator: Roles, Identities, Personalities» (Вена, Австрия, 2018), the 38th International LAUD Symposium and the 2nd Cultural Linguistics International Conference «Cultural Conceptualization and the Structure of Language» (Ландау-ин-дер-Пфальц, Германия, 2018), Круглый стол «Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка» (Москва, 2018), Всероссийская научная конференция «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбов, 2018), Международная научная конференция «Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы» (Казань, 2018), International Congress «Theories and Methods for Translation History» (Цюрих, Швейцария, 2019), Международная научная конференция «Вариативность в языке и речи» (Минск, Белоруссия, 2019), Всероссийская научно-практическая конференция «Филологические чтения» (Оренбург, 2019), Всероссийская научная конференция «Взаимодействие мыслительных и языковых структур» (Тамбов, 2020), VI Международная научная конференция «Наука о переводе сегодня: перевод и конкуренция интеллектов» (Москва, 2021), Международная научная конференция «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Нижний Новгород, 2021).

Результаты исследования прошли апробацию на заседаниях кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета. Часть исследования проводилась при поддержке Российского научного фонда (проекты № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте» и № 18-18-00267 «Доминантный принцип организации языкового сознания» под руководством Н.Н. Болдырева), с апробацией результатов в ежегодных научных отчетах, направляемых в фонд.

**Структура и объем диссертации.** Диссертация состоит из введения, трех глав с разделами и параграфами, выводов по каждой главе, заключения, списка использованной литературы (877 наименований источников на русском и английском языках) и списка источников фактического материала (52 наименования источников). Общий объем диссертации – 523 страницы. Текст диссертации включает тринадцать рисунков и схем, а также одну таблицу.

**Публикации.** Основные положения и результаты исследования отражены в 88 публикациях автора общим объемом 73,21 п.л.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются все необходимые формальные и содержательные параметры диссертационного исследования.

**Глава 1 «Теоретико-методологические основы когнитивного моделирования перевода»** посвящена разработке основ когнитивно-семиотического подхода к моделированию перевода в его дискурсивной онтологии.

В **Разделе 1.1 «Актуальные проблемы и задачи теории перевода»** определяются задачи моделирования перевода с антропоцентрических и одновременно системных позиций современного «интегративного переводоведения» [Поликарпов 2017]. Эту самостоятельную (относительно лингвистики) и масштабную по охвату изучаемых проблем *область исследований* справедливо именовать *семиотикой перевода*, поскольку современное переводоведение характеризует предельная контекстуализация объекта исследования и особый интерес к когнитивным, социокультурным, идеологическим, гендерным, политическим и иным аспектам переводческой деятельности, выходящим далеко за рамки интересов «лингвистики перевода». Теоретическое ядро этой проблемной области (В.И. Вернадский) характеризует антропоцентрический фокус на личности переводчика и формах ее «видимости» в тексте, что позволяет говорить о трансформации теории перевода в *теорию переводчика*. Вместе с тем, имеющиеся антропоцентрические концепции не дают ни системного представления об основаниях и формах субъективности в переводе, ни инструментов борьбы с ней, что вызывает сомнения практиков в необходимости теории перевода как таковой.

Между тем, теория перевода – это не только конструкт сознания теоретика, но и операциональная единица сознания переводчика-практика, который в своей деятельности неизменно исходит из некоторых представлений о природе и принципах перевода [Chesterman 1997; Рум 2014], образующих сложно организованную структуру «живого» знания, которую в терминах Дж. Лакоффа [2011] можно именовать *когнитивной моделью ПЕРЕВОД*. Как когнитивный *инструмент* интерпретации актуальная для переводчика модель ПЕРЕВОД в качестве доминанты его профессионального самосознания организует и корректирует структуру его деятельности на *всех* этапах процесса перевода. Важными элементами этой модели интерпретации будут знания переводчика о нормах перевода и соотносимый с нормами перевода, языка и литературы фрейм рецептивных ожиданий – когнитивные инструменты *рефлексивных* форм адаптации в переводе. Подобные *социокультурные* факторы «видимости» переводчика изучены подробно, тогда как *когнитивным* основаниям «видимости» переводчика теоретики уделяют крайне мало внимания, хотя чем глубже переводчик понимает когнитивные механизмы своей деятельности (знания о процессе перевода как элементы доминанты ПЕРЕВОД), тем, вероятно, выше должны быть ее качественные показатели.

В **Разделе 1.2 «Когнитивная семиотика перевода»** раскрывается потенциал когнитивной семиотики для изучения когнитивных механизмов деятельности переводчика и определяется ряд ключевых терминов исследования.

Трансдисциплинарная область исследований, именуемая *когнитивной семиотикой* [Zlatev 2012, 2015], исходит из схемы знаковой операции Ч.С. Пирса,

отражающей особую роль **механизмов процесса интерпретации** знака субъектом (семиозис в действии) [Залевская 2018; Миловидов 2016; Zlatev, Sonesson, Konderak 2016]. **Семиозис** рассматривается как непрерывная смыслообразовательная активность сознания, опосредующая все формы деятельности субъекта [Залевская 2018; Кравченко 2013; Курганова 2011; Матурана, Варела 2001; Cowley 2011; Di Paolo, Cuffari, De Jaegher 2018; Varela, Thompson, Rosch 2017; Zlatev 2018], включая перевод. В процесс интерпретации вовлечены языковые и невербальные коды сознания (метафора «живого» знания [Залевская 2014]). Для когнитивной семиотики характерна **инструментальная трактовка знака** как *способа и средства*, а не источника познания [Леонтьев 2001] и **реляционная трактовка семантики** как принадлежащей *области взаимодействия* субъекта познания с объектом познания или другим субъектом [Леонтьев 2003; Меркулов 2006; Di Paolo, Rohde, De Jaegher 2010]. Значение, смысл и концепт рассматриваются как *оперативные* единицы (о)сознания. Их отношения – это *синтагматические* отношения между разными уровнями и стадиями континуально единого непрерывного процесса интерпретации [Миловидов 2000]. Составляющей образа мира (сознания-образа) субъекта при этом будет *личный* смысл – «значение для меня значения», реализованное в сознании-деятельности *отношение* субъекта к объекту интерпретации [Леонтьев 2001]. Это предполагает признание взаимобратимости денотации и коннотации [Миловидов 2016].

Реляционная трактовка семиозиса конкретизирует **4Е-трактовку когниции** (embodied, extended, embedded, enacted cognition) [Rowlands 2010; Ward, Stapleton 2012; Foolen 2012] как непрерывного процесса взаимодействия активного субъекта с динамичной средой, в котором субъект с определенной перспективы инактивирует аффордансы [Гибсон 1988] объектов среды, приписывая им оценочные значения-смыслы. Отделить субъекта от объекта невозможно, оба конституируются в деятельности [Леонтьев 2001], «событийствуя» друг с другом [Леонтьев 2003]. Сознание-деятельность субъекта опосредована сознанием-образом – **образом мира** [Леонтьев 1975, 2001]. Этот продукт переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта функционирует симультанно на *разных* уровнях осознаваемости при *сочетании* знания и переживания [Залевская 2005]. Языковая и невербальная формы сознания непрерывно взаимодействуют друг с другом, их нельзя рассматривать как разные, автономные сущности [Меркулов 2006; Стернин 2002]. **Языковая когниция** может быть представлена как *функция* сознания, а **язык** – как инструмент «цементирования» образа мира [Леонтьев 2003] и координации дискурсивных взаимодействий [Кравченко 2013; Langlotz 2015; Cowley 2011], совместного внимания и смыслообразования субъектов дискурса [Томаселло 2011; Di Paolo, Cuffari, De Jaegher 2018] и **интерсубъективности** – состояния разделения (sharing) фрагментов субъективного опыта двумя и более субъектами, в т.ч. на нейрофизиологическом уровне [Zlatev et al. 2008].

В Разделе 1.3 «Принципы когнитивного моделирования перевода» рассматриваются структура и свойства модели как инструмента научного и обыденного познания и формы интерпретации и конструирования мира и определяется специфика метода когнитивного моделирования в целом и перевода в частности.

**Метод моделирования** характеризует явная антропоцентричность: порождающий модель исследователь сам определяет свойства объекта и интегрирует их в образ объекта в основе структуры его модели. Акт перевода также является формой знакового моделирования, а переводчик – *активным* субъектом интерпретации и анализа художественной структуры произведения с конкретной позиции (перспектива, цель и стратегия), которая определяет не только выбор способа интерпретации и форму «конфигурирования» [Беседина 2006; Магировская 2009] переводчиком конструируемой в произведении модели мира, но также и процедуры реконструкции категорий авторского субъекта и гипотетического реципиента. Разные переводы одного произведения образуют его альтернативные равновозможные знаковые модели (конфигурации), структура и свойства каждой из которых мотивированы аффордансами («намерением» [Эко 2006]) текста автора, но определяются перспективой и параметрами стратегии переводчика.

Метод моделирования активно используется в теории перевода в целях изучения процессов в сознании переводчика, описание которых *обречено* на условность и выстраивание догадок [Комиссаров 2014; Ремхе 2015]. Снизить гипотетичность позволяет **метод когнитивного моделирования**, опирающийся на верифицированные данные о работе сознания и мозга, однако ни одна модель когниции не может быть ни абсолютно верной, ни в корне ошибочной [Shiffrin 2010]. Когнитивное моделирование ориентировано на *процессуальные* аспекты когниции (*динамику* процесса интерпретации) и признается оптимальным методом исследования креативных механизмов литературно-художественного перевода [Миронова 2013; Убоженко 2016]. Полноценной формой реализации данного метода считают модели *объяснительного* типа [Lewandowsky, Farrell 2011]. Разработанная в диссертации когнитивно-семиотическая модель литературно-художественного перевода является *объяснительной* и раскрывает взаимосвязи и принципы взаимодействия в процессе перевода различных структур сознания переводчика. При этом процесс перевода моделируется в его дискурсивной онтологии, в формате эпистемологической схемы «ПЕРЕВОД – это ДИСКУРС».

**Раздел 1.4 «Эпистемологическая схема ПЕРЕВОД–ДИСКУРС»** посвящен определению содержания категории дискурса как области осмысления перевода в формате избранной схемы его интерпретации, а также специфики дискурс-анализа как инструмента моделирования перевода в его дискурсивной онтологии.

В онтологии *дискурса*, который в исследовании понимается как процессуальная языковая форма когниции, в единое целое смыкаются язык (феномен и система), текст (знаковая матрица и ее когнитивная проекция), сознание (образ и деятельность) переводчика, различные онтологические и контекстуальные измерения его дискурсивной деятельности и временные модусы его «речевого бытия» (В.И. Тюпа) в мире. При этом *когнитивный* подход к исследованию дискурса центрирован на специфике дискурсивной репрезентации *субъекта* [Магировская 2014], поскольку любые факторы влияют на дискурс исключительно через посредство когнитивной системы субъекта [Кибрик 1994]. В этих отношениях категория дискурса отвечает всем установкам современного переводоведения и позволяет с *антропоцентрических* позиций моделировать деятельность переводчика в *интегративном* ключе, исходя из представлений о ведущей роли



внутреннего контекста сознания переводчика, его *интеракциональной* направленности на внешние контексты и сознания иных субъектов и особой роли *механизма перспективации*, интегрирующего все контексты дискурса и обеспечивающего возможность «встречи сознаний» (М. Бахтин) субъектов дискурса.

**Дискурс-анализ** как интегративная исследовательская стратегия делает возможным многомерное и многокритериальное моделирование литературно-художественного перевода с позиции четырех координат (факторов), основанных на формуле «искусство – одно из средств общения людей между собой» [Толстой 1978: 37]. **Фактор людей** – это взаимодействующие на поле би-текста субъекты дискурса (переводчик, реципиент, автор, нарратор и персонажи произведения, инициатор перевода и др.), в том числе как субъекты социальной когниции и социокультурных пространств. **Фактор общения** – это процесс в разной мере кооперативного и конфликтного взаимодействия и совместного смыслообразования этих субъектов. **Фактор средств** – это семиотические средства, стратегии, модели и схемы, опосредующие процессы интерпретации в сознании каждого субъекта. **«Между» («зазор»)** – это разная степень конгруэнтности (*сингармонизма*) контекстов деятельности взаимодействующих субъектов дискурса и характерных для них когнитивных/дискурсивных стилей. Ориентация на эти координаты (в их взаимосвязи) делает исследование оценочно-нейтральным, позволяя реконструировать *логику* трансформации произведения в переводе (факторы, механизмы, последствия). Оптимально сочетание *дескриптивных и критических методик анализа дискурса*, позволяющих выявлять, что и с позиции каких идентичностей переводчик делает в тексте произведения с контекстом и структурой социума, культуры и сознания реципиента (социокогнитивный рефрейминг).

В Разделе 1.5 «Дискурсивная онтология (художественного) перевода» показано, что в мировом переводоведении схема «ПЕРЕВОД – это ДИСКУРС» была в той или иной форме реализована в ходе ряда «поворотов» (прагматический, культурный, социальный, идеологический, активистский, гендерный и др.) фокуса исследователей к различным процессуальным, функциональным, культурообразующим и социальным аспектам деятельности переводчика. В дискурсивной онтологии феномен перевода предстает в триединстве перевода-речи (когнитивное измерение), перевода-общения (интерактивное измерение) и перевода-текста (семиотическое измерение), как динамичная система интер- и интрасубъектных и интер- и интрасистемных взаимодействий, реализующихся в деятельности переводчика и возможных благодаря ей. Переводчик становится исходной и центральной координатой исследования и предстает как **субъект дискурсивной деятельности** (agent, actor), который «не может, оставаясь субъектом, стать безгласным» [Бахтин 1986: 383], что фиксирует **субъектный принцип**. Дискурсивная деятельность этого субъекта предполагает уровень оперативной автономии (переводчик как самостоятельная живая когнитивная система) и уровень интерактивной автономии (взаимодействие переводчика с иными субъектами дискурса, с системой социума, культуры, литературы).

Субъектный принцип связан с понятием **личности переводчика**, за которой в *антропоцентрических* концепциях перевода зачастую скрывается все та же традиционная этика, наделяющая переводчика *объектными* характеристиками

инструмента [Корнаухова 2011]. Личность переводчика (предполагающая целостность и индивидуальность [Караулов 2014]) обычно сводится к набору *типовых* характеристик, образующих *профессиональную* идентичность (лишь один из аспектов *многомерной* личности), причем характеристики выводятся ad hoc и характерны далеко не для всех переводчиков. Данные нейролингвистики о билингвизме (субстрате, на котором должны рассматриваться все проявления когнитивной способности переводить [Shreve 2012]) свидетельствуют об ошибочности категоризации языковой личности переводчика как *удвоенной* (первичной и вторичной): в мозге билингва Я<sub>1</sub> и Я<sub>2</sub> интегрированы в *единую* функциональную систему, и деятельность на обоих языках реализуется на основе *единого* нейросубстрата [Grundy, Anderson, Bialystok 2017; Kroll, Dussias, Vice, Perrotti 2015; Higby, Kim, Obler 2013], что объясняет когнитивные предпосылки интерференции в переводе и феномена *translatese*. При этом перевод – это комплексная когнитивная деятельность, которую опосредуют самые разные нейрокогнитивные механизмы и процессы, не только и не столько языковые [Shreve 2012; Shreve, Diamond 2016; García, Mikulan, Ibáñez 2016; Schwieter, Ferreira 2017], поскольку способность переводить сохраняется даже в случае утраты мозгом способности продуцировать и/или понимать речь на Я<sub>1</sub> или/и Я<sub>2</sub> [García 2015].

В свете сказанного целесообразна замена понятия «языковая личность переводчика», ограничивающего процессы перевода языковыми формами сознания, более емким понятием «*семиотическая личность*» (*semiotic self* [Баранов URL; Zlatev 2009; Cuffari, Di Paolo, De Jaegher 2015; Kyselo 2014]). Семиотическая личность переводчика телесна, имеет распределенный нейрофизиологический и нейрофункциональный субстрат и как таковая представляет собой *эмерджентную* систему, из которой *невозможно* вычленировать одну идентичность (профессиональную, этническую, социальную, гендерную, религиозную, идеологическую и др.), не нарушив и не разрушив при этом состояния всей системы. Все образующие личность идентичности взаимосвязаны, и в той или иной форме *все* они проявляются в дискурсе переводчика. В силу объективных нейробиологических факторов переводчик *физически не способен* «препарировать» семиотическую личность и стать «невидимым» и потому «обречен» на субъективность.

Когнитивное моделирование механизмов дискурсивной деятельности переводчика с учетом рассмотренных в главе принципов и аспектов возможно в рамках *конструкции переводческого (интер)дискурса* (Рис. 1), образующей аналитический каркас разрабатываемой в диссертации когнитивно-семиотической модели перевода. Процесс перевода в данной конструкции представлен в динамике и единстве трех дискурсивных измерений деятельности переводчика (индивидуальный акт, социальное событие, социокультурная практика), трех дискурсивных фаз создания-интерпретации художественной структуры произведения (креативная, (ре)креативная, рецептивная) и двух его текстовых репрезентаций (би-текст). Все выделенные аспекты дискурсивной динамики реализуются в контексте «живых» семиотических структур сознания переводчика и интегрированы в ментальном пространстве *проекции би-текста* – операциональной структуре сознания переводчика, обслуживающей процесс интерпретации произведения.

В акте литературно-художественного перевода все фазы дискурсивной динамики реализуются в сознании переводчика. *Актуальная (ре)креативная фаза* соотносится с его личностью и перспективой и процессами интерпретации би-текста, *ретроспективная креативная фаза* – с текстовой функцией-автор (нарратор) и образом автора (нарратора) в сознании переводчика, а *проспективная рецептивная фаза* – с текстовой функцией-реципиент и образом реципиента. Конструкция реализует расширительную трактовку перевода: *акт индивидуальной дискурсивной деятельности переводчика* образует ядро *дискурсивного события социального и межкультурного взаимодействия* и осуществляется в контексте идеологических и художественных парадигм *дискурсивных практик перевода* и иных социокультурных практик. В таком качестве конструкция позволяет моделировать когнитивные механизмы социокультурной адаптации в переводе.

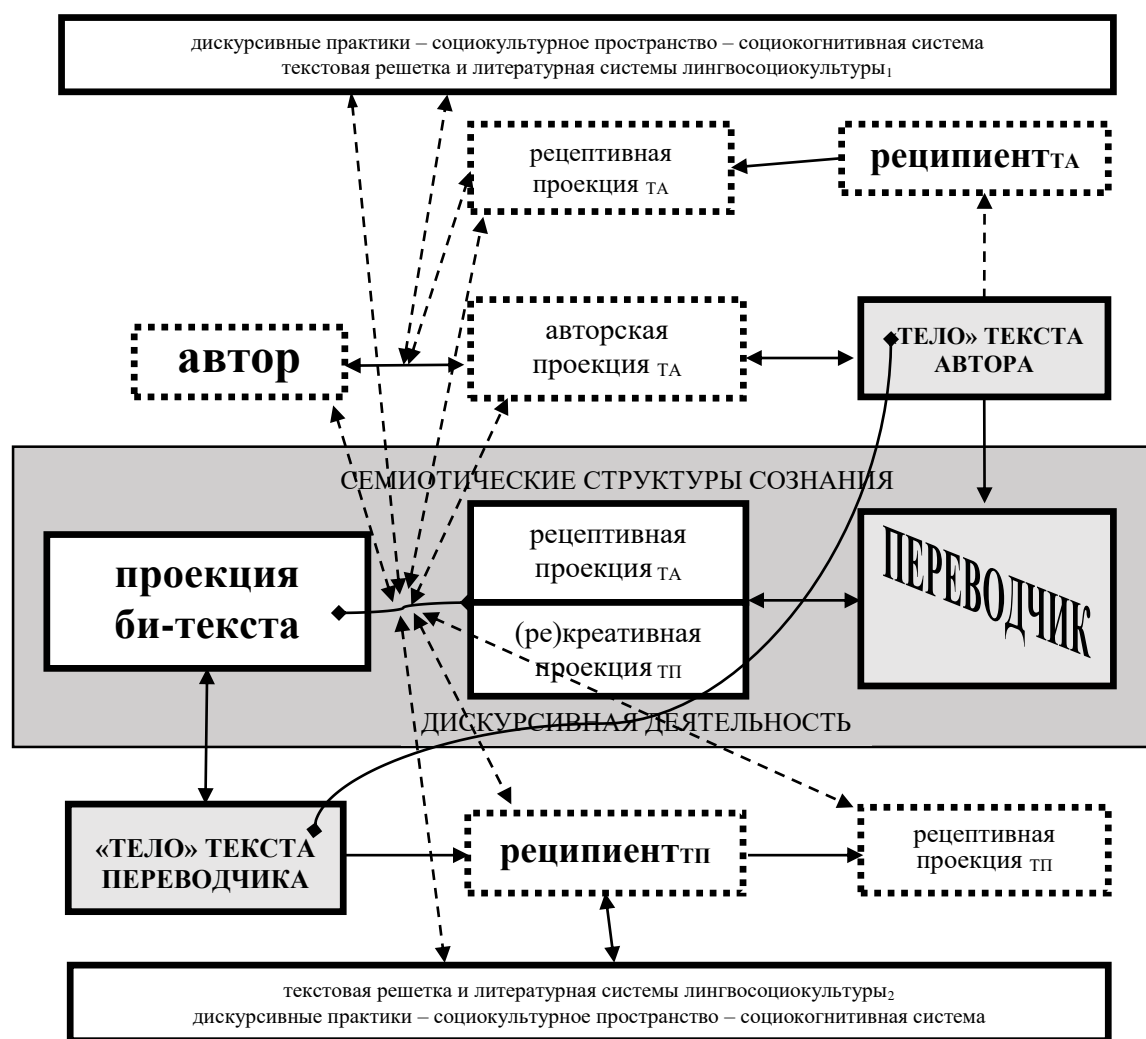


Рис. 1. Конструкция переводческого (интер)дискурса

Учет специфики художественных форм семиозиса в конструкции обеспечивает параметр *сингармонизма* [Леонтьева 2013] – соотносимая степень гармонии художественных структур текстов автора и переводчика на разных уровнях (*художественный сингармонизм*), отражающая степень гармонии контекстов их дискурсивной деятельности (*когнитивный сингармонизм*). Реализовать сингармонизм позволяет остраивающая (В.Б. Шкловский) *стратегия ретрансляции*

организационной логики художественного дискурса (когнитивных схем в единстве с фиксирующими их текстовыми стратегиями и языковыми средствами) с учетом принципа художественной целостности сообразно принципу функционализма (аналогии функции знаков в структуре произведения, конфигурации этой структуры, принципа соотношения ее уровней и элементов). Данная стратегия оптимальна при переводе полифонических произведений, читателя которых нельзя лишать возможности самостоятельно выбрать стратегию интерпретации в процессе взаимодействия с нарратором и персонажами. Инструмент реализации стратегии ретрансляции – *нарративная перспектива*.

Предложенный в Главе 1 когнитивно-семиотический подход преодолевает ряд эпистемологических ограничений, типичных для существующих в переводоведении концепций, а именно: 1) демонстрирует неадекватность концептуализации перевода как статичной деятельности с языковыми знаками, обусловленной профессиональным, языковым и социокультурным, но не феноменологическим опытом *живого* человека; 2) позволяет учитывать сложные взаимодействия различных «живых» семиотических кодов и структур сознания переводчика; 3) исключает редукцию деятельности переводчика до явно осознаваемых и контролируемых (рефлексивных) языковых действий и стратегий решения проблем лингвистического, стилистического и социокультурного характера; 4) вскрывает неадекватность принципа *sense-for-sense translation* и несостоятельность прескрипций, требующих от переводчика *воссоздать* смысл *текста* и *авторскую* интенциональность (содержательность); 5) превращает переводчика из нейтрального медиатора в пристрастного *живого субъекта дискурсивной деятельности*. Категория дискурса, сохраняя антропоцентрический фокус, препятствует замыканию модели когнитивных механизмов перевода на уровне операционной автономии сознания переводчика (эгоцентризм) и обеспечивает ее интегративность.

**Глава 2 «Когнитивные механизмы интерпретации и принципы их реализации в дискурсе переводчика»** посвящена разработке когнитивно-семиотической модели литературно-художественного перевода (Рис. 2). В модели дискурсивная деятельность переводчика по интерпретации произведения (в его битекстовом единстве, включая текстопорождающую фазу «вторичной языковой интерпретации» [Болдырев 2017]) представлена как многомерный процесс конфигурирования информации в его «живой» динамике – как реализующийся симультанно на разных уровнях сознания и в разных модусах осознания посредством системы взаимосвязанных когнитивных механизмов. В процессе конфигурирования структура произведения претерпевает разнообразные трансформации – формы реперспективации (на разных уровнях структуры, по разным моделям, в разных форматах и модусах). Необходимость актуализации в проекции и ретрансляции в тексте переводчика специфики структуры произведения фиксируют параметр сингармонизма и максима (норма) интересубъективности, а объективную невозможность ее точной и полной («эквивалентной») ретрансляции – метакогнитивный механизм реперспективации и механизм когнитивного диссонанса. Естественность «видимости» переводчика на всех уровнях структуры произведения и неизбежность ее реперспективации в модели объясняются через субъектный принцип, доминантный принцип и принцип контекстности, инстру-

ментом реализации которых в дискурсе переводчика является перспектива. Действие выделенных принципов и механизмов в главе иллюстрируется кейсами из советских и современных практик литературно-художественного перевода.

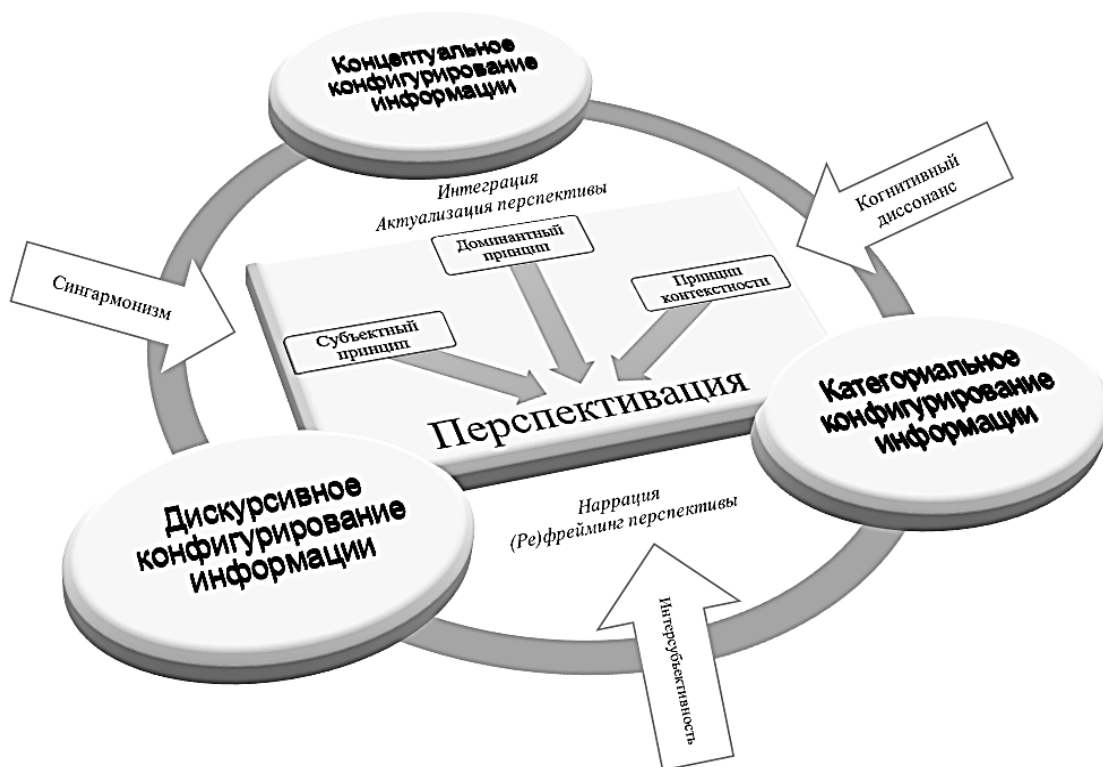


Рис. 2. Когнитивно-семиотическая модель перевода

В Разделе 2.1. «Субъектный принцип перевода» показано, что в приложении к дискурсивной деятельности переводчика *субъектный принцип* [Болдырев, Дубровская 2016] презюмирует ее *креативный* характер, легализуя различные формы реперспективации произведения и свойства инновативности, оценочности и адаптивности в качестве естественных свойств перевода как деятельности *живого* человека (в его целостности), реализуемой в контексте «живых» семиотических структур его сознания. Субъект деятельности интегрирует все биологические и психосоциальные свойства индивида и личности и реализует их в деятельности в форме творческой индивидуальности; все действия субъекта при этом направляет личность – ядро сознания субъекта [Ананьев 1996, 2002].

Как *субъект дискурсивной деятельности* по интерпретации произведения в форме новой текстовой модели переводчик сочетает в своей деятельности *когнитивные роли субъекта познания* (субъекта индивидуальной и социальной когниции) и *художественного дискурса* (субъекта эстетической когниции как процесса виртуального взаимодействия с миром произведения) с *медиативными ролями ренарратора* мира произведения и *скриптора* рецептивной интерпретации (текстопорождающая фаза процесса перевода). Все роли координирует и интегрирует перспектива, формируемая в «живом» гипертексте знаний переводчика.

На основе модели языковой когниции О.В. Магировской [2008, 2014, 2017] предложена *типология аспектуальных форм субъективной «видимости» переводчика*. В процессах селективного восприятия текста автора и конфигурирования знаний на разных когнитивных уровнях переводчик проявляет субъектив-

ность как: 1) *субъект эмпирического познания* (синтаксические трансформации в результате сдвига фокуса внимания, лексико-грамматическая и лексическая рекатегоризации – при переводе единиц конкретно-предметной семантики единицами, профилирующими иной перцептивный признак в той же или иной модальности, переводе единиц абстрактной семантики единицами конкретно-предметной семантики и др.); 2) *субъект понятийного осмысления* (абстрагирование и генерализация, грамматическая рекатегоризация и реаспектуализация событий, трансформация пространственно-временного дейксиса); 3) *субъект оценочной интерпретации* (формы модусной рекатегоризации, включая частотное появление языковых маркеров эвиденциальности, модальности, оценки и др.).

В процессах вербализации своей интерпретации (как полноценный *субъект дискурса*) переводчик проявляется субъективностью также как: 4) *субъект дискурсивного знания* (инферентные гипотезы, оценки, эмоциональное отношение, самоидентификация с социокультурными группами в форме социальной рекатегоризации и социокультурного дейксиса); 5) *субъект дискурсивной организации и текстовой репрезентации этого знания* (конкретная концептуальная, категориальная и дискурсивная конфигурация схем, моделей, стратегий, средств интерпретации, в разной мере намеренное фокусирование одних характеристик произведения и контекстов их интерпретации при дефокусировании и игнорировании иных); 6) *субъект организации и реализации самой дискурсивной деятельности* (стратегия перевода, нормы, доминанты и тактики ее реализации; опосредованность *всего* процесса интерпретации «живыми» структурами сознания переводчика в динамике разных уровней сознания и модусов осознания). В силу «живой» динамики семиозиса и целостности личности переводчика все аспектуальные формы субъективности взаимосвязаны и перетекают друг в друга.

***Переводческая проекция би-текста*** – это темпоральная динамичная конфигурация структур «живого» дискурсивного знания, сконструированного, освоенного и усвоенного переводчиком в процессе интерпретации би-текста (ассоциативной навигации по гипертексту знаний) и активного проживания и пристрастного переживания (через образы ситуаций) описываемых в нем событий с позиции «для меня–здесь–сейчас». На протяжении всего акта перевода проекция фиксирует ход процессов и продукты создания-интерпретации переводчиком структуры произведения, авторской интенциональности (мотивов выбора и включения в текст конкретных средств) и потенциальной рецептивной проекции. Как сложно организованная область интерпретации проекция интегрирует смысловые конфигурации разного типа: модально контекстуализованные концептуализации отдельных сцен [Barsalou 2016], целостные когнитивные образы ситуаций [Чугунова 2001], нарративные пространства [Dancygier 2012, 2017], сеть интеграции которых образует когнитивную матрицу сюжета [Огнева 2019]. Когнитивные образы ситуаций – это те когнитивные единицы перевода, которые позволяют переводчику реализовать в своем тексте гиперзадачу воссоздания образной структуры произведения [Сдобников 2015]. Структуру образующих проекцию конфигураций на всех уровнях интеграции определяет метапространство *перспективы*. Проекция и объективирующий ее текст реализуют *дискурсивную интенцию* переводчика, но в акте *совместного* смыслообразования.

Как продукт процессов концептуальной интеграции проекция характеризуется свойством **инновативности** [Frawley 2000; Леонтьева 2013]. В случае **умеренной инновативности** в тексте переводчика относительно системно проявляется тенденция к 1) сохранению оригинальных схем интерпретации (вектор фрейнизации) либо, напротив, к 2) их адаптации (вектор доместикации) к «своим» нормам, ценностям и стереотипам (стратегия перевода как схема медиации, экспектационная норма перевода, социокультурное знание переводчика). Умеренность заключается в том, что инновативность перевода сдерживается параметрами исходного (структура и контекст текста автора) и/или целевого (гипертекст знаний переводчика и рецептивный контекст) матричных кодов. При **радикальной инновативности** трансформируются параметры обоих кодов, перевод приближен к формам оригинального творчества. Категория инновативности учитывает неизбежность в разной мере *девиантных* форм реперспективации произведения. Конкретный формат инновативности любого типа определяет структура перспективы переводчика, которая в идеале должна быть альтероцентричной и стремиться к интересубъективности (доминанты АВТОР, РЕЦИПИЕНТ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ). Как антропоцентрическая норма и этическая максима (идеал) перевода **интерсубъективность** – это гибкое и оценочно-нейтральное понятие, предполагающее достаточный (по мнению переводчика) для достижения взаимопонимания (через совместное внимание и разделение художественного опыта) сингармонизм процесса интерпретации произведения каждым из субъектов художественного дискурса, диалог (при неизбежном конфликте) их перспектив.

Субъектный принцип презюмирует **оценочность** переводческой интерпретации. Оценка – это универсальное свойство когниции, универсальная схема интерпретации и категория дискурса [Болдырев 2005; Дубровская 2015; Залевская 2014; Миронова 1997; Солодилова 2013; Сутужко 2010]. Даже самый «прозрачный» перевод предполагает перебор, *выбор* и оценку альтернатив [Hermans 2010; Munday 2012]. **Оценочная рекатегоризация** (на фоне языковых и литературных норм, рецептивных ожиданий, схем и моделей социальной категоризации) имеет место на всех микроуровнях художественной структуры и на макроуровне художественной целостности. Случаи непреднамеренного опущения информации в переводе могут быть связаны с нулевой выделенностью (значимостью) для переводчика ряда аффордансов структуры произведения на оценочном континууме ХОРОШО–НОРМАЛЬНО–ПЛОХО, которые в таком случае *принципиально* не могут стать объектом внимания и интенции переводчика. Оценочная интерпретация предполагает процессы социокультурного позиционирования и ориентирования. **Социокультурное позиционирование** – это интерактивный процесс соотнесения, оценки и самоидентификации переводчика (в том числе при выборе и через выбор языковых средств) с теми или иными социокультурными идентичностями и их иерархизации относительно друг друга в структуре дискурса и текста переводчика. **Социокультурное ориентирование** – это интерактивный процесс формирования, коммуникации и манипулятивной корректировки в дискурсе и тексте переводчика ценностного отношения реципиента к миру произведения и социокультурной реальности сообразно системе ценностей, значимых для переводчика, но соотносимых с идентичностями в структуре его личности.

Пример, раскрывающий различные проявления переводчика как субъекта:

(1) *Benjamin felt himself on the verge of a proposal – with an effort he choked back the impulse* (Fitzgerald F.S. The Curious Case of Benjamin Button); (1.1) *Бенджамин почувствовал, что готов, не сходя с места, сделать ей предложение, – усилием воли он подавил этот порыв* (Т. Луковникова); (1.2) *Бенджамин почувствовал, что вот-вот сделает предложение – лишь с большим трудом ему удалось подавить этот импульс* (А. Руднев).

Краткая форма прилагательного *готов* с пространственно-временной детализацией *не сходя с места* фокусирует скорее не действие, а возбужденное состояние протагониста (стативизация, сдвиг категоризации на более абстрактный уровень). Событие ПРЕДЛОЖЕНИЕ интерпретировано как единичное (*сделать ей предложение*), судьбоносная встреча с «единственной» (оценка, формат трансцендентности), тогда как в оригинале за счет неопределенного артикля событие представлено как одно из многих возможных (*a proposal*, ср. конкретизацию объекта в *proposing to her*), что лишает его событийной знаковости в мире произведения (формат повседневности, итеративности). При интерпретации характеристики действия *with an effort* переводчики проявляются как субъекты понятийного осмысления и оценки: рационализация *усилием воли*; ограничительная, модально-оценочная и аспектуальная рекатегоризация *лишь с большим трудом ему удалось* (действие интерпретировано как продолжительное и многократное, в формате схемы СВЕРШЕНИЕ, со сдвигом фокуса на признак действия ТРУДНОСТЬ; ср. гештальтную схему единичного недлительного действия с фокусом на агентивности *усилием воли он подавил*). Переводчики интерпретируют событие с разных точек обзора и зрения, с разной степенью модальной детализации. *Импульс* и *порыв* профилируют разные модальные признаки; *порыв* фиксирует оценочную рекатегоризацию, вероятно, на фоне гендерных схем социальной категоризации (социокультурное позиционирование).

В Разделе 2.2 «Принцип контекстности перевода» дискурсивная семантика рассматривается как контекстно зависимая, переменная величина [Чернявская 2017], а перевод – как оценочно-аффективно-социокультурно-маркированный процесс реконтекстуализации и неизбежной реконфигурации произведения.

*Принцип контекстности* фиксирует обусловленность процесса перевода системой внешних и внутренних контекстуальных факторов, которые в дискурсе переводчика преломляет и интегрирует «живой» гипертекст знаний – огромнейшая сеть связей, кодов и кодовых переходов, интегрирующая (по ассоциативному принципу) продукты переработки субъективного опыта разного рода (перцептивно-когнитивно-аффективное знание-переживание) и обеспечивающая когнитивный контекст для переживания как осмысленного *всего* воспринимаемого и продуцируемого человеком [Залевская 2014]. Структурно-содержательная конфигурация этого когнитивного контекста интерпретации, функционирующего по доминантному принципу [Болдырев 2018, 2020], определяет конструируемое в проекции переводчика дискурсивное знание и выбор стратегий, техник, схем и средств его организации в тексте. «Живая» природа гипертекста знаний переводчика объясняет оценочность и инновативность его интерпретации.

Особую роль в процессе перевода играют *операциональные структуры неясного знания* – механизмы, операции, опоры, схемы и модели интерпретации,



обеспечивающие доступ к «живым» структурам знания, их активацию, производство, использование, вербализацию и объективацию. К ним относятся *нормы перевода* (экспектационные и профессиональные [Chesterman 1997, 2000]) и *социокультурное знание* (ценности и стереотипы [Троценкова 2016]), посредством которых переводчик метарепрентирует иных субъектов (theory of mind), реализует идеологию перевода (нормы и традиции, ожидания реципиента) и при этом навязывает реципиенту некоторую идеологию в переводе (идеологические и аксиологические парадигмы социальной категоризации), разыгрывая и исполняя (perform) в тексте разные идентичности (социокогнитивный рефрейминг).

Рассмотрим пример действия системы контекстуальных факторов:

(2) *Now that they were on land **the heat**, though it was so early in the morning, **was already oppressive*** (Maugham W.S. Rain); (2.1) *Теперь, когда они очутились на суше, **жара**, несмотря на ранний час, **стала невыносимой*** (И. Гурова); (2.2) *Сейчас, когда они были уже на суше, **жара**, несмотря на столь ранний час, **уже была угнетающей*** (перевод мой – К.Л.).

В переводе дефокусирован дискурс принуждения. В отличие от оригинального нарратора И. Гурова оценивает жару в проприоцептивном формате (в контексте смысловой области концепта ТЕРПЕНИЕ), а не с точки зрения перцептивной динамики сил (в контексте области концепта ВОЗДЕЙСТВИЕ). Поскольку концепты ТЕРПЕНИЕ и ВОЗДЕЙСТВИЕ связаны метонимическими отношениями, а модель концептуальной деривации по метонимической схеме СЛЕДСТВИЕ→ПРИЧИНА является частотной, подобный сдвиг перспективы в переводе вполне закономерен, однако он смещает символичный код произведения. Это далеко не первое упоминание *жары* в тексте, и эта климатическая деталь топоса произведения является лейтмотивной. При этом по ходу наррации угнетающая жара сменяется неумолимым дождем, что позволяет рассматривать эти природные явления как символические средства актуализации оппозиции концептов АД и РАЙ. Параметр динамики сил является значимым элементом структуры произведения также потому, что миссионеры представлены как *манипуляторы* судьбами людей. В переводе подобные инференции не реализованы. Вместе с тем, перевод И. Гуровой датирован 1961-м годом и является семиотическим продуктом эпохи «хрущевской оттепели» (фактор хронотопа), с характерным для того периода развенчанием культа личности И. Сталина, осуждением репрессий, тирании и тоталитарной власти (*oppressive*) и относительной либерализацией общества. В подобном идеологическом контексте анализируемый сдвиг перспективы можно рассматривать как форму социокультурного позиционирования переводчика и/или способ социокультурного ориентирования читателя перевода.

В Разделе 2.3 «Доминантный принцип перевода» определяются понятие и функция когнитивных доминант в дискурсе переводчика. *Доминантный принцип* как «modus operandi» сознания [Ухтомский 2002] объясняет естественность различных форм реперспективации произведения действием системы значимых для переводчика когнитивных доминант и мотивированного ими когнитивного диссонанса. Для теории литературно-художественного перевода понятие доминанты привлекательно в том числе как категория поэтики, обозначающая конструктивный принцип художественной композиции [Якобсон 1978] и объясняю-

шая первичность эмоциональной регуляции процессов смыслообразования в художественном дискурсе [Пищальникова 2019] как формы субъективности.

*Когнитивные доминанты* – это когнитивные модели, схемы и механизмы организации концептуального содержания [Болдырев, Виноградова 2018], динамичные структуры индивидуального, но при этом социокультурно модулируемого знания, в качестве узловых центров организующие структуру гипертекста знаний и дискурс переводчика. Доминантный принцип предполагает приоритетную активацию в ходе интерпретации ряда когнитивных контекстов (концептуально-тематических областей, их отдельных зон, частных моделей и схем интерпретации и конкретных признаков в их структуре) как наиболее значимых для переводчика в ряду иных допустимых знаками («намерением») текста. В силу автоматизма активации доминанты в разной мере осознаются переводчиком и могут подавляться лишь *частично*. При этом доминанты определяют, какие семиотические аффордансы структуры текста и мира произведения (не) будут выделенными для переводчика, в контекстах каких концептуальных областей гипертекста знаний и в формате каких моделей и схем они будут интерпретироваться, т.е. *каузально* мотивируют конфигурацию проекции би-текста и выбор способов, стратегий и средств репрезентации этого знания в тексте переводчика. Доминанты динамичны, и степень их значимости может варьироваться на протяжении акта перевода. При этом значимые для разных переводчиков доминанты могут проявлять определенную социокультурную специфичность и общность. Данные нейролингвистики позволяют рассматривать *перспективу* в качестве механизма дискурсивной актуализации и текстовой манифестации доминант.

Приведем пример семиотических эффектов действия разных доминант:

(3) *It was in that same year that he began «going out socially» – that is, his father insisted on taking him to several fashionable dances* (Fitzgerald F.S. The Curious Case of Benjamin Button); (3.1) *В тот же год он начал «вращаться в обществе» – то есть, по настоянию отца, стал появляться вместе с ним на модных танцевальных вечерах* (А. Руднев); (3.2) *В том же году он начал «выезжать в свет», вернее, отец чуть ли не насильно стал вывозить его на светские балы* (Т. Луковникова).

В переводах реализованы разные гендерные схемы интерпретации (доминанта ГЕНДЕР), в целом сингармоничные полу каждого из переводчиков. Так, мужчина интерпретирует поход на *танцевальный вечер* как шанс попасть в круг лиц с высоким социальным статусом (*вращаться в обществе*), что отражает прагматичный маскулинный взгляд на социум как иерархию и борьбу за «место под солнцем» (доминанты СТАТУС, ВЛАСТЬ). Для женщины вечер танцев – это прежде всего *светский бал, выезд в свет* с целью «других посмотреть, себя показать», что объясняет лексическую рекатегоризацию в переводе (доминанта ОБЩЕНИЕ). Вместе с тем, в «женском» переводе дефокусирована характеристика *fashionable|модный*, хотя МОДА является значимой для большинства женщин категорией. Поскольку на данном отрезке текста объект наррации – персонаж мужского пола, могла иметь место оценка МОДЫ как неактуальной категории образа мира персонажа-мужчины (доминанта НОРМА). Также в переводах конструируются разные модели семейных отношений (*his father insisted on taking him*), предполагающие разные гендерно-социальные роли. Категория НАСИЛИЕ (*отец чуть*

ли не насильно стал вывозить его) имплицитно иерархию, вертикальную дистанцию и отношения власти-принуждения (доминанта ВЛАСТЬ). Через параметр динамики сил транслируется негативная оценка субъект-объектной модели семейных, а также гендерных отношений (анти-ценность дискурса феминизма). Категория НАСТОЯНИЕ (*по настоянию отца стал появляться вместе с ним*) обычно реализуется в форме просьбы или требования, что предполагает горизонтальную дистанцию (доминанта РАВЕНСТВО). Подобная схема динамики сил имплицитно субъект-субъектную модель, характерную для отношений маскулинных идентичностей «отец-наставник» и «сын-ученик».

В Разделе 2.4 «Перевод как процесс конфигурирования информации» процесс интерпретации произведения представлен как процесс конструирования и конфигурирования дискурсивного знания о персонажах, объектах, действиях и событиях диегетического мира произведения и специфике би-текста под действием разных контекстуальных факторов. Конфигурирование осуществляется в разных модусах осознания на трех взаимосвязанных уровнях – концептуальном, категориальном и дискурсивном [Магировская 2012], разведение которых в силу симультанного и интегративного характера нейрокогнитивных процессов условно. Структура конфигурации на каждом уровне отражает те аффордансы фрагмента текста (языковая единица перевода) и конструируемого в нем фрагмента мира произведения (когнитивная единица перевода), которые попали в общую зону и в фокус внимания переводчика (селективное восприятие), что обусловлено формируемой когнитивными доминантами перспективой, в формате которой переводчик симулирует внешность и внутренний мир персонажей, действия и события с их участием, их предметное, природное и социальное окружение.

Все формы конфигурирования опосредуют универсальные *креативные механизмы концептуальной интеграции и наррации*. Природа процессов концептуальной интеграции в основе творческих форм осмысления мира объясняет предпосылки инновативности проекции текста переводчика: как бленды (гибридные семиотические сущности [Ирисханова 2010]) они предполагают разные формы искажения, поскольку в исходных пространствах (текст автора, гипертекст знаний переводчика) элементы бленда вполне могут не проявлять явных общих свойств, вплоть до отношений несовместимости [Fauconnier, Turner 1998].

Механизм *модальной симуляции* – это возможный нейрокоррелят когнитивных механизмов концептуальной интеграции и конфигурирования знаний. Имеющиеся данные о природе «семантического мозга» [Barsalou 2008, 2016, 2017; Pulvermüller 2013, 2018; Tomasello et al. 2017] позволяют полагать, что на дорефлективном уровне интерпретации нейронные сети мозга переводчика из фрагментов модального субъективного опыта его взаимодействия с референтами текстовых знаков симулируют их репрезентации в ситуативном модально специфицированном контексте, в структуру которых включен и сам переводчик. Подобные *контекстуализованные концептуализации* считаются основой рефлексивно переживаемых когнитивных образов ситуаций и процессов категоризации. Поскольку их структура варьируется даже для одного субъекта во времени, симуляции можно рассматривать как *исходную* точку субъективности в переводе, соотносимую с формами видимости субъекта эмпирического познания.

**Процесс категориального конфигурирования** предполагает поиск и выбор условно эквивалентных языковых способов обозначения концептуальных сущностей. Как показал анализ, та или иная форма *рекатегоризации* в переводе неизбежна и наблюдается как в *вертикальном* (выбор категории иного уровня абстракции), так в *горизонтальном* (смена категории в рамках одного уровня обобщения) измерениях процессов категоризации. Структура категорий не имеет жестко фиксированных границ, и даже при интерпретации описываемых в тексте объектов и событий как проявлений *схожих* категорий основанием их отнесения к конкретной языковой категории для разных переводчиков обычно становятся *разные* признаки. Из категориальных различий закономерно вытекают различия текстовых репрезентаций интерпретируемых сущностей, формируемых в **процессе дискурсивного конфигурирования** преимущественно на уровне сознания-доступа и отражающих параметры стратегии перевода и отношение переводчика к тексту, автору, реципиенту, персонажам, социокультуре и различным нормам.

В следующем примере при общей тенденции к поэтизации женственности (*ripening* | *созревание* → *расцветание*; физиологическая характеристика половой зрелости → флористическая метафора внешней привлекательности как стереотип фемининности) переводчики интерпретируют внешность девушки с портрета в формате качественно разных конфигураций ее возрастных характеристик:

(4) *It was the portrait of a young girl just ripening into womanhood* (По Е.А. The Oval Portrait); (4.1) *Это был портрет вполне развитой молодой девушки, может быть даже женщины* (переводчик неизвестен, 1912); (4.2) *То был портрет молодой девушки, в первом расцвете пробудившейся женственности* (М. Энгельгардт); (4.3) *Это был портрет молодой девушки, только что развившейся до полной женственности* (К. Бальмонт); (4.4) *Это был портрет юной, только расцветающей девушки* (В. Рогов); (4.5) *То был портрет совсем юной, едва расцветшей женщины* (Н. Галь); (4.6) *То был портрет юной девушки, женственность которой только-только расцвела* (Л. Маевская).

В Разделе 2.5 «Перспектива как инструмент реализации субъективности в переводе» рассматриваются функции, структура и механизмы организации перспективы как метакогнитивного механизма конфигурирования информации.

**Перспектива** – это инструмент (динамика) и форма (статика) реализации свойства перспективности когниции в деятельности субъекта: это «все, что так или иначе участвует в формировании ментального пространства способом, специфичным для данного субъекта» [Sweetser 2012: 7], дифференцирующий элемент структур знания [Ирисханова 2014; Томаселло 2011; Forra 2002; Graumann 2002; Geeraerts 2016; Zlatev 2016], системообразующий элемент операций интерпретации [Croft, Cruse 2004; Talmy 2000; Langacker 2017; Verhagen 2007; Zlatev 2016] и основа дискурсивной семантики [Linell 2002]. Нейронные сети, обслуживающие разные аспекты «Я» и перспективу как оператора личности, отвечают за предвзятость пассивного и активного внимания, в том числе в актах рефлексии и социальной когниции [Davey, Pujol, Harrison 2016; Mason, Just 2009; Schmitz, Johnson 2007]. Принятие перспективы (*perspective-taking*) происходит на самых ранних этапах концептуализации и не доступно контролю, но мотивировано языковым контекстом, в зависимости от которого описываемая ситуация симулируется с телесной либо ателесной (*disembodied*) перспективы ее наблюдателя или

участника (агенс, пациенс, иные семантические роли) [Beveridge, Pickering 2013]. Как таковая перспектива является **инструментом реализации интер-субъективности в дискурсе переводчика** и образует доминантный параметр когнитивно-семиотической модели перевода, в которой она представлена как комплексный по структуре и функции когнитивный феномен *реляционной* природы.

В *инструментальном плане* перспектива – это *функция сознания* (интеграл ансамбля процессов интерпретации на всех уровнях), *функция дискурса* (инструмент совместного внимания и интенциональности [Томаселло 2011]) и *функция нарративных структур произведения* в субъективных актах его интерпретации (структурная доминанта художественной композиции [Успенский 2000; Петрова 2017]) и ситуативная доминанта процессов концептуальной интеграции, обеспечивающая через дискурсивные маркеры и якоря перспективы связность и целостность дискурса [Danczygier 2017]). Перспектива принадлежит *процессу взаимодействия* переводчика с текстом и миром произведения (уровень интерактивной автономии), но физически формируется из «живых» структур гипертекста знаний переводчика под действием доминант (уровень оперативной автономии). Как структурообразующий параметр проекции би-текста перспектива в качестве **аттенционального метафрейма интерпретации** организует *систему отношений*, устанавливаемых в сознании переводчика между референтами знаков, контекстами и субъектами дискурса (автор, реципиент, нарратора, персонажи).

Перспективу образует конвергенция **структурных элементов**: 1) *субъект* (реальный, фикциональный, роль); 2) *объект* (человек, предмет, действие, событие, текст, контекст, мир, образ мира и др.); 3) пространственно-временная *точка обзора* (мысленного «созерцания» [Гиршман 2007]) объекта субъектом; 4) *точки зрения* социокультурных и фикциональных идентичностей, с которыми идентифицирует себя субъект; 5) *система контекстуальных координат*, в которых локализованы субъект и объект (когнитивные, пространственные, временные, социокультурные, текстовые, эстетические и др.); 6) *схема аранжировки* сцены, в контекст которой встроены объект и субъект (физическая и социальная дистанция субъекта от объекта, их расположение относительно друг друга и иных структурных элементов сцены, динамика сил в перцептивном, социокультурном и идеологическом контекстах); 7) *ракурс* (характеристики объекта в фокусе внимания субъекта, конфигурация любых иных актуализованных субъектом свойств на континууме выделенности); 8) *масштаб* созерцания объекта субъектом, отражающий в том числе личное отношение субъекта к объекту, его оценку, психологическую и социальную дистанцию; 9) *траектория сканирования* субъектом сцены, в которую встроены объект [Ирисханова 2013; Петрова 2017; Ржешевская 2014]. Перспектива *привязана* к системе контекстуальных координат, смена которых предполагает восприятие объекта иным способом, в форме иной конфигурации. Как видно из примеров (1–4) в переводе, предполагающем полную реконтекстуализацию, трансформации подвергаются фактически все структурные элементы координируемого кодами текста автора **фрейма перспективы**, причем сдвиг по одному параметру закономерно приводит к сдвигу иных параметров.

**Перспективация** – динамичный, предполагающий разные сдвиги процесс актуализации и организации перспективы – в дискурсе переводчика реализуется

симультанно в четырех *взаимосвязанных измерениях* (перцептивное, когнитивное, языковое и социокультурное). Выделены советующие им **феноменологические формы актуализации перспективы переводчика**, активные и взаимодействующие на протяжении всего процесса перевода, а также **нарративная перспектива** – *аналитическая* функция, интегрирующая все феноменологические формы перспективы и актуальные для переводчика ментальные пространства в систему художественного целого (проекцию би-текста). Нейрокогнитивные процессы **актуализации феноменологической перспективы** не доступны рефлексии и интроспекции, но *казуально* мотивируют тактико-стратегические дискурсивные процессы (**ре**)*фрейминга нарративной перспективы* (инструментальная функция стратегии переводчика). В обоих модусах осознания перспективация реализуется по *доминантному принципу* и предполагает *сопряжение, столкновение и согласование* актуальной феноменологической перспективы самого переводчика с его инферентной ретроспективной гипотезой о перспективе и интенции автора и основанной на стереотипах проспективной гипотезой относительно социокультурной перспективы, контекста знаний и опыта реципиента, а также с инферентными и основанными на стереотипах гипотезами переводчика о фикциональных перспективах и интенциях персонажей и нарратора произведения.

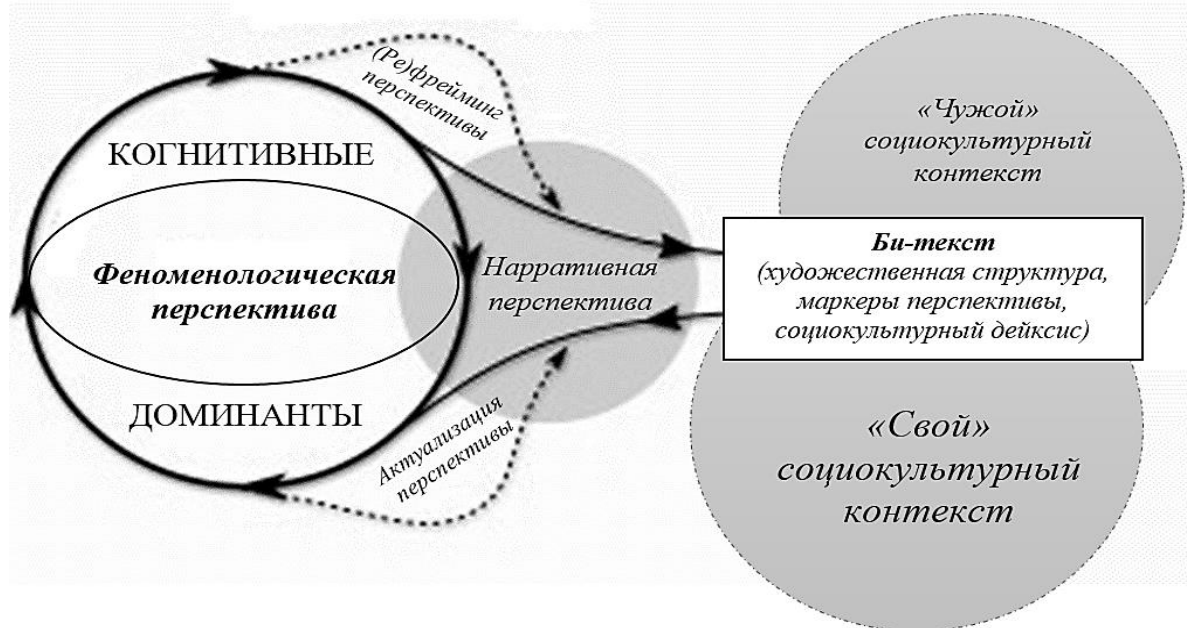


Рис. 3. Функция перспективы в дискурсе переводчика

Функция перспективы в дискурсе переводчика представлена на Рис. 3. Феноменологическая и нарративная перспективы – это два системно взаимосвязанных, но не тождественных семиотических механизма, опосредующие разные формы конфигурирования на разных уровнях сознания и дискурса. *Феноменологическая перспектива* как операциональная структура сознания реализует специфику семиотической личности и гипертекста знаний переводчика и обеспечивает сингармоничную работу (на всех уровнях сознания) ансамбля процессов конфигурирования информации. В тексте переводчика она реализуется в формате *нарративной перспективы*, в отфильтрованной тактическими и эстетиче-

скими доминантами и иными параметрами стратегии перевода форме. Феноменологическая перспектива – инструмент реализации *субъективности*. Нарративная перспектива – инструмент реализации *интерсубъективности* (координации совместного внимания и смыслообразования), что позволяет рассматривать ее в качестве доминантного параметра (предмета) стратегии ретрансляции, а также инструмента адаптации/манипуляции в переводе (социокогнитивный рефрейминг).

К *операциям (ре)перспективации* (актуализации и (ре)фрейминга перспективы) в переводе относятся: выбор и смена объекта; выбор и смена субъекта точки зрения и его роли (активная–пассивная, участник–наблюдатель) в структуре интерпретируемого события; выбор и сдвиг точки обзора в пространстве и/или времени; выбор и сдвиг ракурса (выбор, де- и рефокусирование свойств объекта, выбор и смена траектории и формата сканирования сцены, отдаление и укрупнение фокуса); помещение объекта и субъекта в систему контекстуальных координат и их сдвиг; установление, увеличение и сокращение физической, психологической и социальной дистанции субъекта до объекта, включая параметры динамики сил; выбор и изменение степени детализации объекта; субъективация и объективация описания; метафора и метонимия; интердискурсивность и интертекстуальность [Ирисханова 2013; Петрова 2017; Ржешевская 2014; Talmy 2000].

В дискурсе переводчика эти операции реализуются посредством языковых и художественных средств (*маркеров перспективы*) в *форматах нарративной перспективации*, в разной мере сингармоничных авторским: итеративный – событийный, повседневный – трансцендентный, реалистичный – образный, стереотипный – острабяющий, хронологический – ахронический, ретроспективный – актуальный – проспективный, диалогичный – монологичный, вовлеченный (инсайд) – хроникерский (аутсайд), цитатный (голос персонажа/нарратора) – реферативный (голос нарратора/переводчика), субъективно-аффективный – социокультурно-мотивированный, эмоционально-оценочный – рациональный, модально-перцептивный (показывание) – дигитально-нарративный (рассказывание), панорамный – проксимальный, гештальтный – компонентный, последовательный – фрагментарный, статичный – динамичный, неагентивный – агентивный и др.

Выделенные операции и форматы модулируют *модус фикционального присутствия* самого переводчика в мире произведения, определяя структуру его текста и реализованной в нем конфигурации мира произведения. Вместе со структурными элементами перспективы они могут быть включены в качестве параметров в методику анализа текста в рамках стратегии ретрансляции.

В Главе 3 «Доминанты и формы (ре)перспективации в русских практиках литературно-художественного перевода» в форме *многоаспектной типологии семиотических проявлений субъективности в переводе* резюмируются результаты исследования репрезентативного корпуса параллельных текстов.

В Разделе 3.1 «Принципы анализа текстового материала» описываются принципы сравнительно-сопоставительного дискурс-анализа параллельных текстов, отобранных по совокупности факторов (множественный перевод, художественная специфика, гендер, идеология, фактор хронотопа и др.). Текстовый материал подтвердил гипотезу о том, что структура реализованной в тексте перевод-

чика перспективы обусловлена не только маркерами перспективы в тексте автора, но прежде всего системой значимых для переводчика доминант. По результатам исследования была разработана *многоаспектная типология семиотических проявлений субъективности в переводе*, которая включает а) *типологию аспектуальных форм «видимости» переводчика* как субъекта дискурсивной деятельности (Раздел 2.1), б) *типологию потенциальных доминант* дискурсивной деятельности в сфере литературно-художественного перевода с английского языка на русский язык и в) *типологию семиотических форм (ре)перспективации* на разных уровнях художественной структуры и дискурса переводчика.

В Разделах 3.2 «Доминанты актуализации феноменологической перспективы» и 3.3 «Доминанты (ре)фрейминга нарративной перспективы» приводится разработанная по результатам первого этапа исследования *типология когнитивных доминант дискурсивной деятельности переводчика*.

1. *Доминанты процессов актуализации феноменологической перспективы*: модусы (рационально-антропоцентрический и иррационально-мистический), когнитивные модели (СИЛА, ВОЛЯ, ЧЕЛОВЕК, СТИХИЯ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ) и параметры (НЕПРЕДСКАЗУЕМОЕ – ПРЕДСКАЗУЕМОЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ – ОПРЕДЕЛЕННОЕ) *интерпретации каузальности*, которые в дискурсе конкретизируются в форме взаимосвязанных *поведенческих и оценочных моделей интерпретации*, инициирующих разные фреймы перспективы (СТАБИЛЬНОСТЬ – ИЗМЕНЕНИЕ; СОСТОЯНИЕ – ПРОЦЕСС; ВОЗДЕЙСТВИЕ – ДЕЙСТВИЕ; ПРИНУЖДЕНИЕ – СВОБОДА | ВЫБОР | ВОЗМОЖНОСТЬ; ТЕРПЕНИЕ – РИСК | ВЫЗОВ; СМИРЕНИЕ – ЖЕЛАНИЕ | ОТВЕТСТВЕННОСТЬ; ДУША | ДУХОВНОЕ – ТЕЛО | МАТЕРИАЛЬНОЕ; ВНУТРЕННЕЕ | ЭТИЧЕСКОЕ – ВНЕШНЕЕ | ЭСТЕТИЧЕСКОЕ; ЭТИКА – ПРАГМАТИКА | ОБЪЕКТ | ЦЕЛЬ; ЭМОЦИЯ | ОЦЕНКА – РАЦИОНАЛИЗМ; НОРМА | РОЛЬ | СТЕРЕОТИП – ЕДИНИЧНОЕ; КОНФОРМИЗМ – ТОЛЕРАНТНОСТЬ; СОЦИУМ – ИНДИВИД; ОБЩЕЕ | СОВМЕСТНОЕ – ЛИЧНОЕ; ВЛАСТЬ | ДИСТАНЦИЯ | СТАТУС – РАВЕНСТВО).

В дискурсе переводчика выделенные доминанты реализуется *системно* – в тесном взаимодействии (в разной мере согласованном, конфликтном и последовательном) друг с другом, определяя перспективу в основе конфигурации произведения. Их совокупное действие приводит к разнообразным, в разной мере инновативным формам реперспективации (трансформации и адаптации произведения), зачастую существенной и не всегда намеренной. Эффекты их действия проявляются на *всех* уровнях художественной структуры независимо от реализованной в тексте стратегии перевода в форме самых разных маркеров перспективы – лексических, грамматических, синтаксических и модусных категорий и средств, дискурсивных форм актуализации различных категорий текстуальности и художественности, форм категории служебности. Выделенные доминанты – это универсальные категории, эффекты действия которых в той или иной форме прослеживаются во всех текстах, но характер их актуализации в дискурсе демонстрирует существенную интра- и интерсубъективную вариативность и гендерную, профессиональную и социокультурную специфику. Эффекты действия многих из этих доминант уже обсуждались ранее, в рамках анализа примеров 1–4.

2. *Доминанты процессов (ре)фрейминга нарративной перспективы*, определяющие параметры стратегии перевода (стратегические доминанты) и общую структуру дискурса и текста переводчика (композиционные доминанты):



– **тактические принципы**, определяющие интеракциональные параметры дискурса переводчика и способы реализации в тексте переводчика субъектных и контекстуальных координат переводческого (интер)дискурса: *принцип кооперации* (стремление к экономии когнитивных усилий реципиента, понятности и читабельности текста); *принцип эмпатии* (стремление к принятию перспективы автора, реципиента или персонажа); *принцип (псевдо)эстетизации* (стремление к реализации в тексте признаков категории ХУДОЖЕСТВЕННОЕ), *принцип топоса* (стремление к ассимиляции в формате оценочной категории СВОЕ); *принцип иконичности* (стремление к естественности и реалистичности наррации в контексте текста, автора или реципиента); *принцип стабильности* (стремление к структурности, симметрии и гармонии (интер)дискурса); *принцип уклонения от конфликта* (стремление к медиации взаимодействия иных субъектов (интер)дискурса); *принцип конфликта* (стремление к креативности и творчеству); *принцип монолога* (стремление к дефокусированию признаков оценочной категории ЧУЖОЕ); *принцип диалога* (стремление к интересубъективности и сингармонизму);

– **эстетические принципы**, определяющие способы реализации в тексте переводчика различных категорий текстуальности и художественности и организации эффекта когнитивного диссонанса в основе приема остранения [Ириханова К.М. 2014]: принцип художественной целостности произведения, принцип гармонии формы и содержания, принцип иконичности и ограниченности художественной модели мира, принцип детализации, принцип глоссализации, принципы отождествления, сопоставления и противопоставления элементов в художественной структуре, принцип (де)автоматизации восприятия.

В деятельности переводчика выделенные принципы реализуются в форме различных операций (ре)перспективации, в определенных форматах и модусах, посредством различных средств художественного и национального языка и в разнообразных сочетаниях друг с другом, включая сочетание *конфликтных* доминант конфигурирования структуры произведения на *разных* уровнях.

**3. Метакогнитивные доминанты процессов (ре)перспективации и конфигурирования информации:** ПЕРЕВОД, СОЦИОКУЛЬТУРА, ГЕНДЕР, ОЦЕНКА, ИДЕОЛОГИЯ | ЦЕННОСТЬ, СВОЕ, ЧУЖОЕ, АВТОР, РЕЦИПИЕНТ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ, ОПЫТ (реципиента), ЖАНР (литературы), НОРМА (литературы, перевода, языка).

В Разделе 3.4 «Семиотические формы (ре)перспективации в переводе» представлена **типология форм (ре)перспективации в переводе**, обусловленных выделенными доминантами. В отличие от классических оппозиций вольности–буквализма (разные стратегии интерпретации соотношения уровней художественного текста) и доместикации–фореинизации (разные стратегии социокультурной спецификации произведения), в формате которых обычно осмысливается проблема «видимости» переводчика, предложенная типология центрирована не на характеристиках текста, с которым работает переводчик, и параметрах социокультурного контекста, в котором он осуществляет перевод, а на переводчике – субъекте дискурсивной деятельности, процессы и продукты которой определяются спецификой структур его сознания, формируемой в том числе факторами социокультурного контекста. Типология является многоаспектной.

1. Выделены две **онтологические формы (ре)перспективации**, соотносимые с разными уровнями сознания и модусами осознания: *актуализация феноменологической перспективы* и *(ре)фрейминг нарративной перспективы*. Данные формы (ре)перспективации подробно рассматривались в Разделе 2.5.

2. Выделено пять **моделей трансформации нарративной перспективы**, под которые можно подвести объемный список частных сдвигов перспективы на самых разных уровнях художественной структуры: инверсия художественных модусов ПОВСЕДНЕВНОЕ – ТРАНСЦЕДЕНТНОЕ; инверсия нарративного модуса СОБЫТИЙНОСТЬ и описательного модуса ИТЕРАТИВНОСТЬ (с двумя подтипами – стативизация модели диегетического мира и пассивизация этой модели и образа мира персонажей); расширение границ и иные формы трансформации пространства диегетического мира; инверсия аффективного и хроникерского модусов наррации; жанровая рекатегоризация произведения и рефрейминг рецептивных ожиданий. Ряд моделей рассматривался в рамках анализа примеров 1–4.

3. Исходя из типа когнитивных доминант в основе, социокультурного вектора и модуса осознания, выделены три **модели социокультурной (ре)перспективации**. Типично проявление в рамках одного текста двух и более моделей.

**Ассимилятивная модель (ре)перспективации** предполагает *не осознаваемую* переводчиком (феноменологическая перспектива, социокультурное позиционирование переводчика) доминантную активацию структур знания, маркирующих переводчика как субъекта русского социокогнитивного пространства. Модель наиболее частотна в силу автоматизма активации доминант и типичной для русских практик перевода нормативной тенденции к доместикации текста.

**Модель агрессивного рефрейминга перспективы** *рефлексивно* форсирует ассимилятивные тенденции в эстетических и/или идеологических целях (стратегический параметр дискурса, социокультурное ориентирование реципиента). Рефрейминг является «агрессивным» по отношению к категории АВТОР и социокультурным кодам произведения. Модель характерна для идеологически маркированных советских практик «реалистического» перевода (фактор хронотопа) и современных практик «женского» и «мужского» письма (фактор гендера).

**Модель резистивного рефрейминга перспективы** предполагает *рефлексивное* подавление доминантной активации структур знания, маркирующих переводчика как субъекта *русского* социокогнитивного пространства (стратегический параметр дискурса, социокультурное ориентирование, рефрейминг рецептивных ожиданий). В чистом виде модель реализуется редко, но в «снятой» форме прослеживается во многих современных переводах (тенденция к фореинизации).

4. Выделены **типовые модальности и дискурсивные модусы (ре)перспективации в интеракциональном измерении** дискурса переводчика в ходе фиктивного взаимодействия с иными субъектами (автор, реципиент, нарратор, персонажи). Первые две модальности реализуют *диалогический* формат перспективации (балансирование на континууме альтероцентризма–эгоцентризма), а модальность третьего типа – *монологический* (эгоцентризм как «глухота» к диалогу, неспособность к эмпатии). Типично сочетание выделенных модальностей и модусов, которые в разной мере последовательно сменяют друг друга.

**Конфликтная модальность** при некотором альтероцентризме (учет перспектив других субъектов (интер)дискурса) предполагает доминантный эгоцентризм («навязывание» всем собственной интерпретации), обусловленный когнитивным диссонансом в результате *эксплицитно* негативной оценки «чужого». Произведение подвергается радикальной (**репрессивно-конфликтный модус**) или умеренной (**манипулятивно-конфликтный модус**) доместикации посредством операций рефрейминга перспективы и тактик нейтрализации и умолчания.

**Кооперативная модальность** при доминантной альтероцентрической ориентации на перспективы *одновременно* автора, персонажей и реципиента предполагает острающую ретрансляцию «чужого» при *купировании* (часто в форме комментария) *эстетически* незначимых поводов для когнитивного диссонанса в рецептивной фазе (**интерсубъективный модус**), либо же *тотальную* мимикрию «чужого» (**альтероцентрический модус**; стратегия радикальной форейнизации с целью вызвать когнитивный диссонанс в рецептивной фазе).

**Эгоцентрическая модальность** предполагает *нерефлектируемое* игнорирование «чужого» в силу *иллюзии* достаточной глубины и «верности» интерпретации (**модус активного эгоцентризма**) или же «скольжения» по поверхности смысла (**модус пассивного эгоцентризма**; некачественный перевод).

5. Выделен **идеологический модус (ре)перспективации**. Дискурс переводчика *всегда* опосредован действием идеологического «фильтра» [Álvarez, Vidal 1996; Natim 2012; Munday 2012; Lefevere 1992; Nord 2003; Schäffner 2003], когнитивного по природе и адаптивного по функции, срабатывание которого в каждый конкретный момент в *разной* мере осознается переводчиком. Приведем пример:

(5) *Since 1888 we have been molding boys into splendid, clear-thinking young men* (Salinger J. *The Catcher in the Rye*); (5.1) *С 1888 года в нашей школе выковывают смелых и благородных юношей* (Р. Райт-Ковалева); (5.2) *С 1888 года мы лепим из мальчиков великолепных здоровомыслящих юношей* (М. Немцов).

На мифологическом уровне сюжетной композиции в (5.2) в фокус внимания протагониста-нарратора Холдена выведены доминантные в американском контексте прагматико-материалистические ценности ИМИДЖ и РАЦИОНАЛИЗМ, отрицание которых определяет весь образ мира героя (**модель резистивного рефрейминга перспективы**). В интерпретации (5.1) прагматическая оценка замещается социально-этической оценкой моральных и духовных качеств, что снимает сюжетообразующий конфликт ценностных хронотопов. Добавленное переводчиком притяжательное местоимение в *нашей школе* предполагает конформистскую потребность в самоидентификации с социальной группой (школой и ее обитателями), что противоречит знаковой для героя философии отчуждения. Подобная ассимилирующая ремифологизация мира произведения (**модель агрессивного рефрейминга перспективы**) – характерная черта советского перевода (5.1), что обусловлено особой ролью идеологии как доминанты советского хронотопа.

6. Выделены формы **гендерного рефрейминга перспективы** (деагентивация, пассивизация и иные сдвиги динамики сил, эвфемизация, дефокусирование дискурса телесности и сексуальности, трансформация гендерных идентичностей

и моделей поведения персонажей, сдвиги гендерной метафоры и др.). Как значимый аспект образа любого персонажа и художественной композиции и потенциальная универсальная когнитивная доминанта гендер определяет интерпретацию даже при отсутствии в тексте эксплицитного гендерного дейксиса. По этой причине необходима *гендерно-сенситивная стратегия перевода*, предполагающая осмысление собственной гендерной идентичности и анализ обусловленных гендером различий перспектив нарратора и персонажей произведения, принятие перформативной трактовки гендера, учет факта множественности гендерных идентичностей и роли различий альтернативных профилей одного гендера и др.

(6) *In my younger and more vulnerable years my father gave me some advice that I've been turning over in my mind ever since* (Fitzgerald F.S. The Great Gatsby); (6.1) В юношеские годы, когда **человек особенно восприимчив**, я как-то получил от отца совет, надолго запавший мне в память (Е. Калашникова); (6.2) В юности, когда **мое сердце было открыто, мир казался бесконечным, а жажда познания не утолена**, я услышал от отца фразу, которую я навсегда сохранил в памяти и мысленно возвращался к ней снова и снова на протяжении всей своей жизни (Н. Лавров); (6.3) В далеком **детстве**, когда я был еще **ранимым ребенком**, отец дал мне совет, над которым я размышляю до сих пор (И. Мизина); (6.4) В пору моей **нежной юности** отец дал мне совет, который я по сей день прокручиваю в голове (С. Таск); (6.5) В юные годы, когда я **более внимательно воспринимал окружающий меня мир и прислушивался к мнению других людей**, отец дал мне совет, к которому я вновь и вновь обращался в течение всей своей жизни (С. Алукард); (6.6) В пору моей **впечатлительной юности** отец дал мне совет, который с того времени нейдет у меня из головы (С. Ильин).

В переводах конструируются разные профили маскулинных идентичностей «юноша» и «сын» и воспроизводятся разные стереотипы о психологических особенностях «юноши» в сравнении с «мужчиной». Приписывая нарратору Нику *ранимость, нежность, впечатлительность*, переводчики наделяют образ юноши фемининными чертами, тогда как оригинальная деталь *vulnerable* через контраст подчеркивает стремления взрослого Ника к объективности и нейтральности, что является скорее маскулинной чертой. В интерпретации С. Алукард (*более внимательно воспринимал, прислушивался к мнению других*) взрослый Ник вообще представлен мужчиной-эгоцентриком, не желающим слушать и слышать, тогда как природный дар эмпатии – это та отличительная (и скорее фемининная) черта персонажа, благодаря которой Ник и становится «голосом» автора в мире произведения. Поскольку роман предельно полифоничен, гендерно-сенситивная стратегия позволила бы в более сингармоничной форме реализовать эстетические принципы художественной целостности, глоссализации наррации, детализации образа диегетического нарратора и его противопоставления иным персонажам в структуре произведения. При этом гендерный рефрейминг во всех переводах был реализован, вероятно, на уровне *феноменологической* перспективы и по *ассимилирующей модели социокультурной (ре)перспективации*.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Различные формы вариативности литературно-художественного перевода являются проявлением *неизменной* перспективности когниции, и переводчик *объективно* не может *не* быть субъективным. Вместе с тем, параметрическая категория нарративной перспективы может стать эффективным инструментом снижения субъективности и реа-

лизации в тексте переводчика не только традиционной максимы «верности» автору, читателю и/или тексту, но и антропоцентрической максимы интерсубъективности. Перспективы дальнейших исследований по теме диссертации связаны с расширением предложенных типологий на материале иных практик перевода.

## Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

### *Монографии (29,06 п.л.)*

1. *Леонтьева К.И.* Когнитивное моделирование перевода: Основы антропоцентрического подхода: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. 248 с. (14,41 п.л.)

2. *Леонтьева К.И.* Когнитивное моделирование художественного перевода: доминанты, перспектива, интерпретация: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. 252 с. (14,65 п.л.)

### *Главы в коллективных монографиях (3,6 п.л.)*

1. *Леонтьева К.И.* Антропоцентрическое моделирование (художественного) перевода: взгляд с позиции когнитивной семиотики // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 28: Антропоцентрический характер языка: коллективная монография / гл. ред. Н.Н. Болдырев; отв. ред. вып. С.Г. Виноградова. С. 377–409. (1,9 п.л.) (ВАК)

2. *Леонтьева К.И.* Когнитивные основания вариативности перевода: доминантный принцип и механизм перспективации // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43): Когнитивные доминанты языкового сознания: коллективная монография / гл. ред. Н.Н. Болдырев; отв. ред. вып. С.Г. Виноградова. Тамбов: Принт-Сервис. С. 327–353. (1,7 п.л.) (ВАК)

### *Статьи в изданиях, индексируемых в базах Scopus и Web of Science (8,25 п.л.)*

1. *Леонтьева К.И.* Семиотика текста vs. семиотика дискурса: к поиску адекватного эпистемологического основания теории художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 75–80. (0,8 п.л., Scopus, ВАК)

2. *Леонтьева К.И.* Гендерные характеристики переводчика и их интерпретирующая роль в теории и практике художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 55–62. (1 п.л., Scopus, ВАК)

3. *Леонтьева К.И.* Антропоцентрические координаты феномена перевода: субъектный принцип, интерпретация и «живое» знание // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 41–50. doi: 10.20916/1812-3228-2016-4-41-50 (1 п.л., Scopus, ВАК)

4. *Леонтьева К.И.* Дискурсивная онтология, субъектный принцип, перспективация: интегративный анализ переводческой деятельности с антропоцентрических социокогнитивных позиций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 69–79. doi: 10.20916/1812-3228-2017-4-69-79 (1,3 п.л., Scopus, ВАК)

5. *Леонтьева К.И.* Доминантный принцип перевода и механизмы его реализации в дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 37–46. doi: 10.20916/1812-3228-2018-4-37-46 (1,1 п.л., Scopus, ВАК)

6. *Leontyeva K.* Cognitive Dominants and Shifts in Sociocultural Perspective in Literary Translation // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2020. Vol. 83 – PhR 2019. Pp. 127–139. doi: 10.15405/epsbs.2020.04.02.15 (1,05 п.л., Web of Science)

7. *Leontyeva K.* Dominant Construal and Reperspectivation Patterns in English-Russian Literary Translations // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 86 – WUT 2020. P. 886–895. doi: 10.15405/epsbs.2020.08.103 (0,7 п.л., Web of Science)

8. *Леонтьева К.И.* Гендер как доминанта актуализации и (ре)фрейминга перспективы в художественном переводе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 32–42. doi: 10.20916/1812-3228-2021-3-32-42 (1,3 п.л., *Scopus*, *ВАК*)

***Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК (14,1 п.л.)***

1. *Леонтьева К.И.* Функционализм как базовый принцип передачи формы при поэтическом переводе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №3. С. 159–162. (0,5 п.л.)

2. *Леонтьева К.И.* Методика дискурсивного критического анализа перевода поэзии // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 147–151. (0,6 п.л.)

3. *Леонтьева К.И.* Звуковая аранжировка текста и перевод поэзии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 1. С. 90–95. (0,5 п.л.)

4. *Леонтьева К.И.* Дискурсивная онтология перевода: к обоснованию статуса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 2 (10). С. 70–85. (0,5 п.л.)

5. *Леонтьева К.И.* Сохранение неопределенности поэтического дискурса при переводе: стратегия ретрансляции // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 11. С. 685–688. (0,2 п.л.)

6. *Леонтьева К.И.* Художественный перевод и гендер: адаптация в формате «woman-/ manhandling» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 133–135. (0,4 п.л.)

7. *Леонтьева К.И.* Художественный перевод и идеология: к постановке проблемы // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. 14. С. 786–791. (0,3 п.л.)

8. *Леонтьева К.И.* Сингармонизм как ключевая категория семио-дискурсивной онтологии художественного перевода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 5 (24). С. 205–212. (0,5 п.л.)

9. *Леонтьева К.И.* Переводчик = цензор? Идеология как мотив адаптивных манипуляций при переводе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. №. 2. С. 256–263. (0,5 п.л.)

10. *Леонтьева К.И.* Переводческая ошибка vs. коммуникативный динамизм: нонэссенциалистская перспектива // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 21. С. 583–586. (0,2 п.л.)

11. *Леонтьева К.И.* Моделирование художественного перевода с позиции дискурс-анализа // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22. С. 512–514. (0,2 п.л.)

12. *Леонтьева К.И.* Теория перевода с «человеческим лицом»: старые песни на новый лад // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 260–273. (1 п.л.)

13. *Леонтьева К.И.* Дискурсивный подход как вариант реализации программы антропоцентризма в теории художественного перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-1 (55). С. 148–154. (0,8 п.л.)

14. *Леонтьева К.И.* Субъектный принцип как основа реализации и функционирования художественного перевода // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 384–388. (0,35 п.л.)

15. *Леонтьева К.И.* Актуальные проблемы антропоориентированного исследования (художественного) перевода // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 27. С. 496–504. doi: 10.20916/2071-9639-2016-27-496-504 (0,45 п.л.)

16. *Леонтьева К.И.* Субъектный принцип и проблема «видимости» переводчика: что текст переводчику, кто переводчик тексту? // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 25. С. 724–731. doi: 10.20916/2071-9639-2016-25-724-731 (0,4 п.л.)
17. *Леонтьева К.И.* Актуальные проблемы изучения языковой личности переводчика с позиции когнитивного подхода // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 84–90. (0,9 п.л.)
18. *Леонтьева К.И.* Социокогнитивная функция художественного перевода и проблема оценочной интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 780–784. (0,3 п.л.)
19. *Леонтьева К.И.* Перевод как инструмент координации социальной когниции: актуальные проблемы исследования // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 33. С. 723–729. (0,35 п.л.)
20. *Леонтьева К.И.* Когнитивный (ре)фрейминг и трансляция неагентивных моделей мира при переводе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 34. С. 927–931. (0,3 п.л.)
21. *Леонтьева К.И.* Когнитивные основания (ре)концептуализации, (ре)категоризации и (ре)перспективации при переводе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 35. С. 143–151. (0,45 п.л.)
22. *Леонтьева К.И.* О когнитивных основаниях вариативности перевода: механизм перспективации и когнитивные доминанты // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 952–957. (0,3 п.л.)
23. *Леонтьева К.И.* Когнитивные доминанты и социокультурная перспектива в художественном переводе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 4 (63). С. 199–210. (0,95 п.л.)
24. *Леонтьева К.И.* Перспектива в художественном переводе: когнитивно-эстетический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 2 (65). С. 197–206. (0,7 п.л.)
25. *Леонтьева К.И.* Социокультурная реперспективация в художественном переводе: модели, форматы и доминанты // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 2 (41). С. 240–244. (0,3 п.л.)
26. *Леонтьева К.И.* Перспектива в художественном переводе: когниция, эстетика, этика // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 3 (42). С. 263–268. (0,3 п.л.)
27. *Леонтьева К.И.* Эстетические доминанты стратегии художественного перевода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 190–200. (0,8 п.л.)
28. *Леонтьева К.И.* Гендер как доминанта перспективы переводчика // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 763–766. (0,3 п.л.)
29. *Леонтьева К.И.* Гендерный рефрейминг в художественном переводе // Вестник Московского государственного университета. Серия 22: Теория перевода. 2021. № 4. С. 94–107. (0,75 п.л.)

#### ***Публикации в иных изданиях (18,2 п.л.)***

1. *Леонтьева К.И.* Лингвостилистические проблемы перевода лирики У.Х. Одена // VI Авраамиевские чтения: матер. всерос. науч.-практ. конф. Смоленск, 2008. Режим доступа: <http://www.shu.ru/old/avr/iymk/02.pdf> (0,45 п.л.)
2. *Леонтьева К.И.* Структурно-семантические особенности поэтического текста как гена культурной памяти // Культура как текст: сб. науч. ст. М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2009. Вып. IX. С. 228–234. (0,5 п.л.)

3. *Леонтьева К.И.* Звуковой повтор как смыслогенерирующий фактор (на примере стихотворения У.Х. Одена «O Where Are You Going?») // Стратегии исследования языковых единиц: сб. ст. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2011. С.169–175. (0,4 п.л.)
4. *Леонтьева К.И.* К вопросу об английской рифме (на примере творчества Уистена Хью Одена) // *Lingua Mobilis*. 2011. № 4 (30). С. 7–17. (0,5 п.л.)
5. *Леонтьева К.И.* Творческая компонента как вектор поэтического перевода // Вопросы филологических наук. 2011. № 6 (52). С. 99–103. (0,4 п.л.)
6. *Леонтьева К.И.* Поэтический образ и гармония перевода: к вопросу о видах и границах метафорических трансформаций при переводе поэзии // *Язык. Словесность. Культура*. 2011. № 3. С. 88–101. (0,6 п.л.)
7. *Леонтьева К.И.* Методологические основы комплексного анализа поэтического перевода // *Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах / под ред. проф. Г. Н. Манаенко*. Ставрополь: СГПИ, 2011. Вып. 9. С. 210–218. (0,6 п.л.)
8. *Леонтьева К.И.* Процессуальная эвристика поэтического перевода: интерпретативная составляющая и категория гармонии // *Lingua Mobilis*. 2011. № 6 (32). С. 100–110. (0,5 п.л.)
9. *Леонтьева К.И.* Проблемы передачи английской рифмы при переводе (на примере русских переводов поэзии У. Х. Одена) // *Лингвистический вестник: междунар. сб. науч. тр.* Брянск, 2011. Вып. 7. С. 85–100. (0,8 п.л.)
10. *Леонтьева К.И.* Функционализм поэтической формы: процессы сверхсемантизации и перевод // *Язык и культура: науч. интернет-журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения Прешовского университета*. 2011. № 8. Режим доступа: [www.ff.unipo.sk/jak/rus/8\\_2011/leontjeva.pdf](http://www.ff.unipo.sk/jak/rus/8_2011/leontjeva.pdf) (0,8 п.л.)
11. *Leontieva K.I.* Illusive Reception of W. H. Auden's Poetry in Russian Culture: to the Problem of «Untranslatability» // *Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. тр.* М.-Пятигорск: ПГЛУ, 2011. Вып. 13. С. 204–212. (0,6 п.л.)
12. *Леонтьева К.И.* Фоносемантизация в поэтическом тексте (на примере творчества У.Х. Одена) // *Лингвистика: традиции и современность: матер. II междунар. науч. конф.* Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2011. С.59–63. (0,5 п.л.)
13. *Леонтьева К.И.* Культурологическая обусловленность поэтического перевода: «*cultural studies*» как принцип анализа // *Язык в социокультурном пространстве и времени: матер. всерос. конф.* Астрахань, 2011. С. 133–140. (0,5 п.л.)
14. *Леонтьева К.И.* Творческая компонента как вектор поэтического перевода // *Иностранные языки и межкультурная коммуникация: роль и место в современном образовании: матер. междунар. научно-практ. конф.* Абакан: ХГУ, 2011. С. 115–120. (0,4 п.л.)
15. *Леонтьева К.И.* Методологические аспекты критики поэтического перевода // *Личность в межкультурном пространстве: матер. VI междунар. науч.-практ. конф.* М.: РУДН, 2011. С. 170–175. (0,2 п.л.)
16. *Леонтьева К.И.* Вольность и буквализм при поэтическом переводе: дихотомия или антиномия? // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2012. № 1. С. 101–104. (0,45 п.л.)
17. *Леонтьева К.И.* Сверхсемантизация формы поэтического текста как проблема перевода // *Lingua Mobilis*. 2012. №1 (34). С. 100–115. (0,8 п.л.)
18. *Леонтьева К.И.* Постструктуралистская концепция перевода // *Язык. Дискурс. Текст: сб. науч. ст.* Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2012. С. 256–258. (0,3 п.л.)
19. *Леонтьева К.И.* Критика поэтического перевода: к вопросу о «верных» критериях оценки // *Авраамиевские чтения: сб. ст. Вып. IX.* Смоленск: Радопа, 2012. С. 164–172. (0,4 п.л.)



20. Леонтьева К.И. Новый взгляд на переводческие ошибки: возможен ли «верный» перевод? // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2012. Вып. 8. С. 31–33. (0,3 п.л.)
21. Леонтьева К.И. Семио-дискурсивная модель перевода: к поиску эпистемологических универсалий // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: междунар. сб. науч. тр. М.-Пятигорск, 2012. Вып. 14. С. 46–57. (0,75 п.л.)
22. Леонтьева К.И. Лингвокогнитивная асимметрия образных систем при переводе поэзии и способы их гармонизации // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: матер. VI междунар. науч. конф.: в 2 т. Челябинск: ЧелГУ, 2012. Т. 2. С. 266–270. (0,5 п.л.)
23. Леонтьева К.И. Методологическая ценность дискурс-анализа художественного текста // Стратегии исследования языковых единиц: сб. ст. Тверь: ТвГУ, 2012. С. 45–50. (0,3 п.л.)
24. Леонтьева К.И. Интердискурсивная смысловая динамика при переводе: «функция-переводчик» // Концепт и культура: сб. ст. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 225–232. (0,4 п.л.)
25. Леонтьева К.И. Верность интерпретация vs. «нормализация» при переводе поэзии // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании: матер. междунар. интернет-конф. / отв. ред. Н.Ф. Крюкова. Тверь: ТвГУ, 2012. С. 95–104. (0,6 п.л.)
26. Леонтьева К.И. Концепция "функция-переводчик" и способы её практической реализации // Перевод и дискурс межкультурной коммуникации: матер. всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург: УрГИ, 2012. С.35–38. (0,25 п.л.)
27. Леонтьева К.И. Прологомены к семио-дискурсивной онтологии перевода // Личность в межкультурном пространстве: матер. VII междунар. научно-практ. конф.: в 2 т. М.: РУДН, 2012. Т. 1. С. 291–296. (0,2 п.л.)
28. Леонтьева К.И. Рецепция художественного перевода в культуре: медиативная функция переводчика и адаптационные тактики // Перевод как вид посреднической деятельности в межкультурной коммуникации: сб. тр. конф. М.: Институт иностранных языков МАИ, 2012. С. 62–68. (0,35 п.л.)
29. Леонтьева К.И. Адаптационные «манипуляции» при переводе художественного текста: мотивационный аспект // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: матер. междунар. науч. конф. Курск: ЮЗГУ, 2012. С. 82–89. (0,35 п.л.)
30. Леонтьева К.И. Ретрансляция *intentio operis* при переводе поэзии: оригинал, перевод и «текст переводчика» // Культура в зеркале языка и литературы: матер. III междунар. конф. Тамбов: ТГУ, 2012. С. 315–322. (0,4 п.л.)
31. Леонтьева К.И. Эпистемологические универсалии перевода: семио-дискурсивный подход // Проблемы теории языка и переводоведения: сб. ст. / отв. ред. Л.Л. Нелюбин. Вып. 40. М.: МГОУ, 2013. С. 56–66. (0,5 п.л.)
32. Леонтьева К.И. Поэтическая форма как фоновая метафора: проблемы рецепции и перевода // Метафора и действительность: границы выразительности: сб. науч. ст. / под ред. Л.М. Ньюбиной. Вып. 3. Смоленск: СмолГУ, 2013. С. 94–103. (0,5 п.л.)
33. Леонтьева К.И. Перевод как сложное коммуникативное событие: проблема онтологической сущности // Авраамиевские чтения: сб. науч. ст. / под ред. А. В. Корольковой. Вып. 10. Смоленск: Радопа, 2013. С. 78–84. (0,3 п.л.)
34. Леонтьева К.И. Семио-дискурсивная онтология художественного перевода: некоторые исходные аксиомы (универсалии) // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. ст. Белгород: БелГУ, 2013. С. 83–88. (0,4 п.л.)
35. Леонтьева К.И. Методологическая презумпция понимания оригинала в современной теории художественного перевода // Актуальные проблемы лингводидактики

и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: матер. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л. А. Миловановой. Волгоград: Парадигма, 2013. С. 260–265. (0,3 п.л.)

36. *Леонтьева К.И.* Трансформация гендерных стереотипов в «мужских» переводах феминистской литературы // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. № 9. С. 40–44. (0,5 п.л.)

37. *Леонтьева К.И.* Актуальные методологические проблемы теории художественного перевода: взгляд с позиции когнитивной (интерпретирующей) семиотики // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2016. № 36. С. 112–118. (0,4 п.л.)

38. *Леонтьева К.И.* Ре-перспективация в переводе: о роли неагентивных моделей как доминант мировосприятия // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Е.А. Горобец. Казань: КГУ, 2018. Т. 2. С. 101–104. (0,3 п.л.)

39. *Леонтьева К.И.* Доминантный принцип, перспектива и когнитивное варьирование при переводе // Вариативность в языке и речи: тезисы докладов междунар. науч. конф. / под ред. Л.М. Лещевой. Минск: МГЛУ, 2019. С. 144–145. (0,1 п.л.)

40. *Leontyeva K.* On Some Perspectives of Integrating Enactivist Framework into the Field of Translator's Studies // Book of Abstracts of the Language and Enaction. SAISE 3, 1-3 June 2016 – Clermont-Ferrand (France). Clermonte-Ferrand: Blaise Pascal. P. 61–62. (0,1 п.л.)

41. *Leontyeva K.* Enactivism, Cognitive Semiotics and Translation Studies: To the Benefits of Cooperation // Book of Abstracts of the 2nd Conference of the International Association for Cognitive Semiotics, Lublin, 20-22 July 2016. Lublin: UMCS, 2016. P. 106–108. Режим доступа: [http://iacs2016.umcs.lublin.pl/wp-content/uploads/2016/06/iacs2016\\_boaf.pdf](http://iacs2016.umcs.lublin.pl/wp-content/uploads/2016/06/iacs2016_boaf.pdf) (0,1 п.л.)

42. *Leontyeva K.* A Cognitive Perspective on 'Woman-/Manhandling' Écriture Féminine in Translation: The Case of Duffy and Plath in Russian // Book of Abstracts of the 1st Valencia Colloquium on Gender & Translation. València: Universitat de València, 2016. P. 24. Режим доступа: <http://adeit.estaticos.econgres.es/2016gender/bookgender2.pdf>. (0,1 п.л.)

43. *Leontyeva K.* A Cognitive Insight into the Translator's Visibility // Book of Abstracts of the 6th Conference of the Scandinavian Association for Language and Cognition. Lund: Lund University, 2017. P. 50–51. Режим доступа: [http://konferens.ht.lu.se/fileadmin/\\_migrated/content\\_uploads/Book\\_of\\_abstracts\\_FINAL\\_with\\_SC \\_\\_\\_OC.pdf](http://konferens.ht.lu.se/fileadmin/_migrated/content_uploads/Book_of_abstracts_FINAL_with_SC___OC.pdf) (0,1 п.л.)

44. *Leontyeva K.* Meaning-Making in the Act of Literary Translating: Experientiality in Intersubjectivity // Book of Abstracts of the 6th International Conference on Meaning & Knowledge Representation. Saint Petersburg: Expert-Legal Centre, 2017. P. 39–41. Режим доступа: <http://www.fungramkb.com/events/2017/docs/abstracts.pdf> (0,1 п.л.)

45. *Leontyeva K.* Cognitive Insight into Literary Translating // Book of Abstracts of the International Cognitive Linguistics Conference: Linguistic Diversity and Cognitive Linguistics. Tartu: University of Tartu, 2017. P. 342–343. Режим доступа: [http://iclc14.ut.ee/sites/default/files/proovin/files/book\\_of\\_abstracts\\_13.07.2017.pdf](http://iclc14.ut.ee/sites/default/files/proovin/files/book_of_abstracts_13.07.2017.pdf) (0,1 п.л.)

46. *Leontyeva K.* Simulation and Perspective in Literary Translating: Experientiality in Intersubjectivity // Book of Abstracts of the 10th Annual Embodied and Situated Language Processing Conference. Moscow: Higher School of Economics, 2017. P. 84. Режим доступа: [www.hse.ru/data/2017/09/11/1172344439/ESLP\\_2017\\_preliminary\\_programme\\_110917.pdf](http://www.hse.ru/data/2017/09/11/1172344439/ESLP_2017_preliminary_programme_110917.pdf) (0,1 п.л.)

47. *Leontyeva K.* Translating as a Form and a Tool of Social Cognition: On the role of cultural conceptualizations // Conference Proceedings of the 38th International LAUD Symposium – 2nd Cultural Linguistics International Conference. Landau: Koblenz-Landau, 2018. P. 66–67. Режим доступа: [https://kola.opus.hbz-nrw.de/files/1676/Abstractband\\_LAUDCLIC\\_2018\\_June18.pdf](https://kola.opus.hbz-nrw.de/files/1676/Abstractband_LAUDCLIC_2018_June18.pdf) (0,1 п.л.)